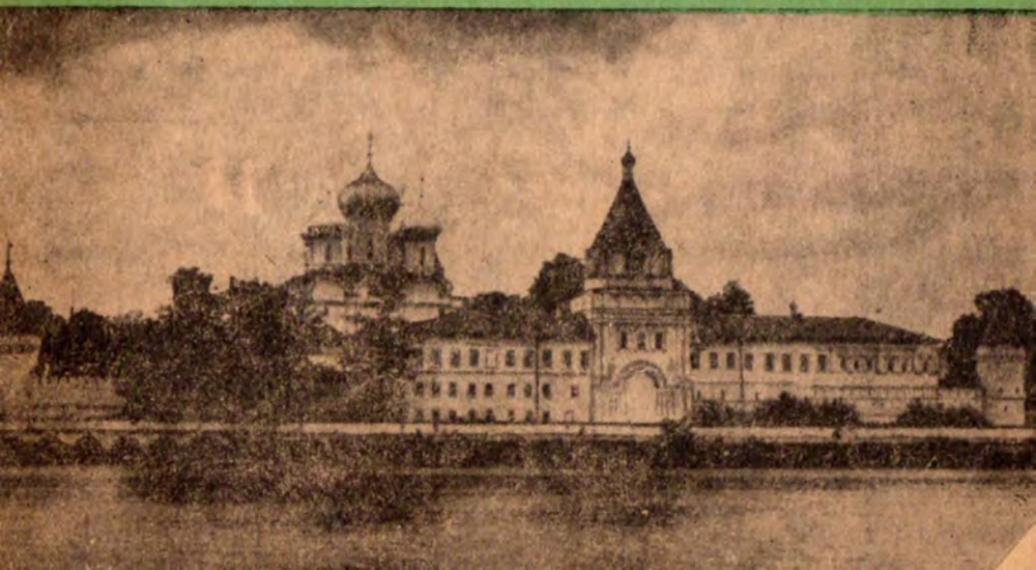

КОСТРОМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ВЫПУСК IV

КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК IV

*(Под редакцией
кандидата исторических наук
В. С. СОБОЛЕВА)*

- К 78 **Краеведческие записки: Сборник/Костромской объединенный ист.-арх. музей-заповедник; Под ред. В. С. Соболева. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1986 — 79 с. Вып. 4. 1986.**

20 к.

В настоящий сборник вошли статьи костромских историков-краеведов по истории революционного движения и советского строительства в крае, по истории дореволюционного прошлого, по этнографии и опыту музейной деятельности. В научный оборот вводится много новых интересных фактов, ряд проблем костромского краеведения освещается также по-новому, с должной научной основательностью. «Краеведческие записки» рассчитаны на самый широкий круг читателей.

Историческое краеведение является одной из действенных форм пропаганды славных традиций нашего народа, оно содействует улучшению общего образования молодежи, ее нравственному и эстетическому воспитанию.

Объектом изучения костромских краеведов является социально-экономическое и политическое, историческое и культурное развитие нашего древнего края.

Издание Костромским музеем-заповедником «Краеведческих записок» стало традиционным. Авторами пятнадцати статей настоящего сборника (IV выпуска) являются костромские историки, сотрудники музея и архивных учреждений, краеведы. Восемь статей его обобщают интересный материал о революционных преобразованиях, о трудовом героизме костромичей в годы первых пятилеток, о послевоенном периоде развития региона. Думается, что все эти исследования могут быть успешно использованы в идеологической и пропагандистской работе в наши дни.

Во второй раздел сборника вошли три работы по дооктябрьской истории края, в двух из них исследуются вопросы развития революционного движения.

В трех следующих статьях авторы рассказали о жизни и творческой деятельности наших замечательных земляков, а одна из работ познакомит читателей с этнографическими сюжетами.

Следует отметить, что в большинстве статей, вошедших в «Записки», многие факты и сведения вводятся в научный оборот впервые.

Опыт распространения трех предыдущих выпусков «Краеведческих записок» музея показал, что они с большим интересом принимаются костромичами и гостями нашего города.

М. И. Калинин говорил, что социалистическое Отечество надо любить не умозрительно, а конкретно. Краеведение служит воспитанию у молодежи чувства любви к своей Родине, к той земле, на которой мы живем и трудимся.

Одной из главных своих задач Советская власть считала проведение культурной революции: ликвидацию неграмотности, приобщение трудящихся к политике, знаниям и культурным ценностям, воспитание народной интеллигенции.

Первым шагом на пути социалистического переустройства школы явился принятый в декабре 1917 года декрет Совнаркома о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата народного просвещения. Все церковноприходские школы, духовные и женские епархиальные училища, другие учебные заведения духовного ведомства со всем движимым имуществом переходили в ведение Наркомпроса¹.

В Костромской губернии к этому времени продолжали функционировать духовная семинария и учительская женская семинария, епархиальное женское училище и четыре духовных училища, несколько сот церковноприходских школ.

20 января 1918 года В. И. Ленин подписал Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этим декретом закреплялась передача всех школ в ведение органов народного образования. Из учебных программ навсегда исключили закон божий. В соответствии с декретом в Костромской губернии духовные училища были преобразованы в светские школы, а духовная семинария закрыта².

В первой половине 1918 года проходила организация отделов народного образования в уездах. На первых порах они решали большей частью хозяйственные вопросы: подыскивали под школы подходящие помещения, обеспечивали их топливом, учебными и наглядными пособиями, продуктами питания для учащихся. Для методической помощи педагогам и контроля за учебным процессом не у всех работников отделов хватало знаний и опыта.

Но, несмотря на трудности становления, уже к маю 1918 года в ведении органов народного образования находились «...все вопро-

¹ Декреты Советской власти. М., 1957, т. I, с. 111—113.

² Государственный архив Костромской области (ГАКО), р-1108, оп. I, д. 29, л. 14.

сы, касающиеся народного образования в губернии, в частности, вопросы школьного, дошкольного и внешкольного образования»¹.

В Костроме даже была создана специальная комиссия по выработке учебной программы для изучения в школах Конституции РСФСР и главнейших декретов Советской Республики².

Несмотря на разуху в народном хозяйстве, тяжелое финансовое положение государства, местные органы народного образования постоянно получали значительные дотации от Центра. Только в мае—июле 1918 года от Наркомата просвещения было получено на приобретение учебников и пособий, на организацию в губернии детских клубов и дошкольных учреждений около полумиллиона рублей³.

Коренное переустройство школьной системы началось после того, как ВЦИК 30 сентября 1918 года утвердил «Положение об единой трудовой школе». Школьный курс обучения был разделен на две ступени: первая — для детей от 8 до 13 лет, вторая — для юношей и девушек в возрасте до 17 лет. Для всех учащихся обязательным был труд: в школах открывались столярные, слесарные и другие мастерские, сельские ученики работали на пришкольных участках.

Государство стремилось обеспечить нуждающихся учеников бесплатным питанием, одеждой, обувью и учебниками. В то время газета «Северный рабочий» писала: «...Советская власть... открыла доступ в стены всех школ — начальных, средних и высших для желающих, сделав обучение бесплатным на всех ступенях школы... Во все школы вводится труд, чтобы дети народа выходили из школ вполне подготовленными к всеобщей трудовой повинности, составляющей основу социалистического общества»⁴.

В школах создавались органы самоуправления — школьные советы. В них входили все школьные работники, представители отдела народного образования, представители трудящихся школьного микрорайона и учащиеся старших классов. Совет собирался не реже двух раз в месяц. Ни одно школьное мероприятие не могло быть организовано без решения совета. В школах II ступени в соответствии с «Положением об организации учащихся», утвержденным Наркомпросом, создавались объединения старост, общешкольные хозяйственная и культурно-просветительная комиссии, которые заботились о соблюдении чистоты и порядка в классах и мастерских, о работе школьной столовой, о занятиях спортом и т. д.

Помимо обычных школ стали создаваться школы-коммуны. Одна из них открылась в бывшей усадьбе Климшево близ Судиславля в день 50-летия В. И. Ленина и получила его имя⁵. На первых по-

¹ ГАКО, р-6, оп. I, д. 459, л. 37.

² Северный рабочий, 1918, 27 июля.

³ ГАКО, р-6, оп. I, д. 419, лл. 11, 12, 14, 15, 16.

⁴ Северный рабочий, 1918, 26 ноября.

⁵ ГАКО, р-6, оп. I, д. 584, лл. 65, 69, 75.

рах в ней обучалось около 30 крестьянских подростков в возрасте от 14 до 17 лет. Школе были выделены 30 десятин земли, семена зерновых и овощных культур, пять коров и пять лошадей. В коммуне работали группы животноводов, полеводов, огородников: В первый же год ученики вырастили 150 пудов ржи, 60 пудов овса, заготовили 1800 пудов сена, полностью обеспечили себя овощами и фруктами¹.

В условиях гражданской войны, когда на фронт ушла значительная часть квалифицированных рабочих, стало необходимым обучение подростков старше 15 лет ведущим профессиям (текстилей, металлостов, железнодорожников, деревообработчиков и др.). А в августе 1919 года при губоно было создано управление профессионально-технического образования, в ведение которого перешли школы ФЗУ, курсы, а также техникумы и вузы. (По данным Всероссийской переписи учреждений народного образования 1920 года в губернии имелось 3 вуза, 32 техникума и профтехшколы²).

В условиях голода и разрухи страна изыскивала средства для обучения грамоте всего неграмотного населения. По специальному декрету Совнаркома «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР», принятому 26 декабря 1919 года, все неграмотное население республики в возрасте от 8 до 50 лет обязывалось обучаться грамоте на родном или русском языке. Обучающимся взрослым рабочий день сокращался на 2 часа без уменьшения зарплаты.

Президиум губисполкома даже создал при губоно под председательством В. А. Невского губернскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Губграмчека с помощью анкет провела выборочный опрос граждан и выяснила общественное мнение о ликвидации безграмотности, о мерах по ее успешному осуществлению³. На 1 января 1921 года в губернии обучалось в 1400 школах грамоты 26 тысяч неграмотных. Губграмчека предполагала в 1921 году ликвидировать неграмотность среди городского населения губернии и обучить около 40 тысяч сельских жителей⁴.

В сельской местности организовывались школы-летучки на 2—3 деревни с учителями из начальной школы. Проработав 2—3 месяца в одном месте, школа-летучка перебрасывалась в другие селения⁵.

В связи с острой нехваткой кадров одногодичные курсы по подготовке учителей открылись в Костроме, Макарьеве, Ветлуге, а затем — институт народного образования. Выпускники школ II ступени сразу же назначались учителями начальных классов. Губиспол-

¹ ГАКО, р-57, оп. 1, д. 161, лл. 215, 225, 225 (об.).

² Народное образование в Костромской губернии. Сб. Статистический справочник по Костромской губернии, Кострома, 1921, с. 17, 18.

³ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 511, л. 163.

⁴ Вестник просвещения Костромского края, 1921, № 1, с. 51.

⁵ Вестник революции, 1920, 10 апреля.

ком предоставил губоно право подыскивать на промышленных предприятиях квалифицированных рабочих и переводить их в школы на должности учителей труда. Вместе с тем в процессе работы перевоспитывались и старые учительские кадры. «Педагога следует изгонять только тогда, когда он действительно ведет контрреволюционную пропаганду»¹, — говорилось в одном из отчетов губоно об использовании старых кадров учителей.

С августа 1919 года в губернии стал издаваться ежемесячный научно-методический журнал для учителей «Вестник просвещения Костромского края», который обобщал передовой опыт работы учебных заведений, являлся рупором передовой части учительства губернии.

Тяжелое экономическое положение заставило приписывать учебные заведения к хозяйственным организациям: в Костроме льноотресту, губпродкому, совнархозу, другим учреждениям в конце 1921 — начале 1922 годов было передано около 30 школ и профтехучилищ. Например, чтобы обеспечить себя, мастерские губоно перешли на хозрасчет, а в сельской местности производился сбор натурального налога для школьных работников². В отчете губисполкома за март — апрель 1922 года отмечалось, что за I квартал 1922 года губоно получило в 5 раз меньше средств, чем планировалось. Зарплату работникам просвещения иногда выплачивали несвоевременно, однако учебный год прошел успешно. По натуралогу для учителей села было собрано более 18 тысяч пудов ржи, 502 пуда овса, 140 пудов ячменя, 113 пудов картофеля. Это составило менее 50% задания, но, несмотря на тяжелое материальное положение учителей, подчас отсутствие топлива и учебников, занятия в школах не прерывались³.

И в те трудные годы помню общеобразовательных школ в губернии работали две музыкальные школы в Костроме (из них одна для взрослых), одна, — в Ветлуге, художественная школа-студия Н. П. Шлеина в Костроме и художественная школа в с. Красном⁴.

Большим событием в культурной жизни губернии явилось открытие в Костроме 7 ноября 1918 года государственного рабоче-крестьянского университета. Декрет об его открытии В. И. Ленин подписал в начале 1919 года. В течение месяца на факультеты университета (гуманитарный и естественный) было подано около двух с половиной тысяч заявлений о приеме. В 1919 году был открыт педагогический факультет для подготовки учителей единой трудовой школы и в Костромском университете. В университет принимали рабочих и беднейших крестьян, для нуждающихся студентов были введены государственные стипендии. При университете

¹ ГАКО. р-6, оп. I, д. 511, лл. 9—9 об.

² Там же, р-6, оп. I, д. 653, лл. 24 об., 25.

³ ГАКО. р-6, оп. I, д. 655, л. 37 об.

⁴ Там же, р-6, оп. I, д. 605, л. 11.

осенью 1919 года был открыт и рабочий факультет. На нем велась подготовка рабочих и крестьян к обучению в вузах. Прием на рабфак производился по путевкам партийных и профсоюзных организаций, исполкомов Советов.

Таким образом, к концу 1922 года в губернии сложилась довольно стройная система народного образования и воспитания. были заложены основы для решения задач культурной революции.

С. Павлова

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛУБОВ В ГУБЕРНИХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

В первые годы революции в Верхнем Поволжье широкий размах приняло культурно-политическое просвещение трудящихся, началась нелегкая борьба по ликвидации неграмотности населения — тяжелого наследия, доставшегося молодой Советской Республике от царизма. Мощным проводником культуры в народные массы стали клубные учреждения.

В. И. Ленин придавал огромное значение пропагандистской деятельности в широких массах трудящихся, важное место в этой работе он отводил и клубам. Владимир Ильич указывал в августе 1918 года: «Надо расширить сферу нашего влияния на рабочую массу... Надо будет обратить внимание на клубы»¹.

В Верхнем Поволжье уже в первой половине 1918 г. под руководством большевиков началась организация клубного дела. Четкие партийные установки на этот счет содержались в статье Н. К. Крупской «Чем должен быть рабочий клуб», опубликованной в то время в печати². В Костроме ранней весной 1918 года по инициативе горкома партии был открыт I Социалистический клуб. Еще в январе «Северный рабочий» опубликовал резолюцию заседания общегородского и районных комитетов РСДРП (б), в которой, в частности, говорилось о необходимости «обратить большое внимание на организацию рабочего клуба при культурно-просветительном отделе Советов»³. Организатор и руководитель клуба М. А. Растопчина, член партии с 1904 г., писала о начальном этапе деятельности: «Мы, партийные работники, с первых шагов не могли не пропитать его партийным духом: газеты, журналы, воспитывающий в политическом отношении отдел в библиотеке, доклады по текущему моменту, лекции, дающие первые знания, первую политическую подготовку... все это у нас намечилось с первых шагов как-то само собой»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 46, 47.

² Пролетарская культура, 1918, № 4.

³ Северный рабочий, 1918, 12 января.

⁴ Сборник Костромского пролеткульта, № 1, Кострома, 1919, с. 6.

Позднее при Костромском общегородском комитете партии возникла клубная секция. Ее высшим органом являлось делегатское собрание, которое избиралось коммунистическими фракциями клубов (от 10 членов партии — 1 делегат) и созывалось не реже одного раза в месяц. Секция руководила всей политической деятельностью клубов, в соответствии с решениями партийных органов¹.

Большую работу по организации клубов проводили профсоюзы. Осенью 1918 г. в Костроме по их инициативе и на их средства союз металлистов создал клуб им. В. И. Ленина; профсоюзы же открыли клубы печатников, швейников и советских служащих². В отчете культпросветотдела Ярославского губпрофсовета за 1921 г. приводятся сведения о деятельности профсоюзных клубов работников связи, пищевой промышленности, водников, транспортных рабочих и др.³.

Трудности гражданской войны и разрухи не остановили роста культурно-просветительных учреждений, которые впервые в истории нашей страны получили государственную поддержку и помощь. Если в 1917—1918 гг. в Костромской губернии было всего 20 клубов⁴, то на 1 ноября 1920 г. их зарегистрировано уже 97⁵. В мае 1920 г. секция народных домов и клубов Ивановского губоно составила смету на постройку 10 клубных учреждений на сумму 34 806 010 руб⁶.

К началу восстановительного периода количество клубов в Верхнем Поволжье характеризуется следующими данными⁷:

Иваново-Вознесенская губерния	55
Костромская губерния	65
Ярославская губерния	36

Клуб, являясь «новым очагом культуры», привлекал к работе значительное количество населения. Так, 9 клубов Костромы в 1920 г. насчитывали 2447 активных членов⁸, в 52 клубах Иваново-Вознесенской губернии состояло 6990 человек, причем 2703 члена клубов проживало в сельской местности (31 клуб)⁹. Клуб им. Ленина при Корзинкинской фабрике г. Ярославля ежедневно посещало

¹ Сборник Костромского пролеткульта, № 2, Кострома, 1919, с. 27.

² Там же, № 1, Кострома, 1919, с. 32, 33.

³ ГАЯО, ф. р-162, оп. I, д. 1198, лл. 1—1 об.

⁴ Просвещение в Костромской губернии. Кострома, 1927, с. 33.

⁵ Народное образование в Костромской губернии. Кострома, 1921, с. 16.

⁶ ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 402, л. 18.

⁷ Там же, д. 200, л. 9. *Богданов Н. М.* Народное образование Костромской губернии по данным на 1 января 1923. Кострома, 1923, л. 26; ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 882, л. 56.

⁸ Подсчитано автором на основании: ГАКО, ф. р-24, оп. I, д. 2066.

⁹ ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 380, лл. 116—117.

до 100 чел¹. По социальному составу среди членов клубов преобладали рабочие. В г. Костроме, например, из упомянутого выше общего количества рабочих и ремесленников насчитывалось 1651, интеллигентов и служащих — 543, учащихся — 253². В клубе им. Некрасова села Смоленское Ярославской губернии из 30 членов клуба 20 являлись рабочими³.

Основу массовой аудитории клубов составляла молодежь в возрасте до 25 лет⁴.

Анализ состава членов клубов дает убедительные данные о возросшей общественной активности женщин. Так, в Иваново-Вознесенской губернии 32 процента членов клубов составляли женщины (4753 мужчины и 2237 женщин)⁵. В Костроме они составляли 44 процента (1370 мужчин и 1077 женщин)⁶.

Партийные организации региона стремились привлечь к клубной работе коммунистов и комсомольцев. На конференции кружков и клубных работников Иваново-Вознесенской губернии, проходившей в июле 1921 г., среди 42 делегатов присутствовало 9 коммунистов и 2 члена РКСМ⁷. Почти все члены партии I-го района г. Ярославля являлись членами клуба им. Закгейма⁸.

В те годы на местах наблюдалось большое разнообразие в организационном построении, в структуре и даже в названиях клубных учреждений. В 1920 г. в секции клубов, народных домов и изб-читален Ивановского губоно возникла дискуссия о том, являются ли народные дома клубными учреждениями⁹. В Ярославской губернии возникли клубы замкнутого характера, например, только для педагогов или только для членов партии¹⁰.

Основанолагающие положения о сущности и задачах клубов дали Н. К. Крупская, А. В. Луначарский. Н. К. Крупская в статье «Задачи внешкольного образования в Советской России» писала, что «...центр работы... в клубе и народном доме должен лежать в расширении знаний, в углублении их. Без этого — без превращения клуба... в живой центр общественной жизни — они превратятся, как в старые времена, в места «разумных развлечений», отвлекающих от политики»¹¹.

¹ ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 1647, л. 23.

² Подсчитано автором на основании: ГАКО, ф. р-24, оп. I, д. 2066.

³ ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 1647, л. 28.

⁴ Подсчитано автором на основании: ГАКО, ф. р-24, оп. I, д. 2066. ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 424, л. 90.

⁵ ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 380, лл. 116, 117.

⁶ Подсчитано автором на основании: ГАКО, ф. р-24, оп. I, д. 2066.

⁷ ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 404, лл. 58, 59.

⁸ ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 1647, лл. 23, 23 об.

⁹ ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 402, лл. 18, 18 об.

¹⁰ ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 1647, л. 17.

¹¹ *Крупская Н. К. Педагогические сочинения*. М., 1959, г. 7, с. 27.

В первые годы Советской власти борьба с неграмотностью стала одной из главных задач деятельности клубов Верхнего Поволжья. Только в Ярославской губернии к концу 1920 г. насчитывалось более 85 тыс. неграмотных¹. В сельской местности Костромской губернии в этот период на каждую тысячу женщин приходилось 421 неграмотная². При клубах открывались пункты по ликвидации неграмотности и школы для малограмотных. В апреле 1918 г. Костромской культпросветотдел объявил об открытии при I Социалистическом клубе «отделения» для малограмотных, планировалось открыть при клубе и школу для безграмотных³. Оно пользовалось популярностью среди жителей города — уже в первый месяц работы стало не хватать помещения для всех желающих, несмотря на то, что занятия шли в 8 комнатах⁴.

«Расширение познания масс и ликвидация неграмотности, — указывалось в докладе клубной секции Ярославскому губполитпросвету в 1921 г., — находится в центре всей деятельности клубов Ярославля⁵. В начале 1921 г. Михеевский клуб Иваново-Вознесенского уезда провел специальную «Неделю ликвидации неграмотности»⁶.

Важную роль в политическом и культурном просвещении трудящихся играли лекции на самые различные темы. Широкую аудиторию собирали они в I Социалистическом клубе г. Костромы, где выступали видные деятели партии и местные большевики. Весной 1918 г. перед костромичами выступили А. М. Коллонтай и секретарь горкома партии Н. П. Растопчин.⁷ В 1920 г. клубы Илюнинской волости Иваново-Вознесенского уезда просили уполитпросвет об организации лекций и бесед⁸. Показательно, что Ярославское лекционное бюро губполитпросвета прочитало на предприятиях и учреждениях города в октябре 1921 г. 16 лекций и 13 из них были организованы в клубах⁹.

В годы гражданской войны парторганизации не раз привлекали клубы к обслуживанию важнейших агитационных кампаний и мероприятий, проводимых среди населения. В январе 1920 г., когда проводилась «Неделя фронта», все клубы Ярославля и уезда развернули широкую работу по разъяснению рабочим и крестьянам причин гражданской войны: устраивались митинги, спектакли, концерты,

¹ ГАЯО, ф. р-1431, оп. 2, д. 68, л. 7.

² Просвещение Костромской губернии. Кострома, 1927, л. 6.

³ Советская газета, 1918, 12 апреля.

⁴ Сборник Костромского пролеткульта, № 1, Кострома, 1919, л. 7.

⁵ ГАЯО, ф. р-178, оп. 1, д. 1647, л. 3 об.

⁶ ГАНО, ф. р-1319, оп. 1, д. 404, л. 9.

⁷ Северный рабочий, 1918, 15 апреля, 23 мая.

⁸ ГАНО, ф. р-1319, оп. 1, д. 404, л. 14, 14 об.

⁹ Подсчитано автором на основании: ГАЯО, ф. р-178, оп. 1, д. 882, л. 94 об.

сбор от которых шел на нужды фронта¹. В октябре 1920 г. клубы Середского уезда Иваново-Вознесенской губернии информировали внешкольный отдел Наркомпроса РСФСР о проведении целого цикла мероприятий во время «Недели помощи Западному фронту»².

Клубы существовали на средства, выделяемые отделами народного образования, на членские взносы; кроме того, средства поступали от спектаклей и концертов³. Интересно, что в 1918 году группой интернационалистов из числа военнопленных были переданы в пользу 1-го Социалистического клуба г. Костромы 60 руб. 14 коп. Газета костромских большевиков «Северный рабочий» отмечала по этому поводу, что в то время, когда «... особенно сгустились тучи над нашим социалистическим отечеством, особенно дорого это выражение международной солидарности и братства трудящихся»⁴.

В первые годы революции советские и партийные органы уделяли большое внимание созданию красноармейских клубов. В сентябре 1919 г. в Костроме был открыт Красноармейский социалистический клуб⁵. Иваново-Вознесенский губполитпросвет в начале 1921 г. принял специальную резолюцию об усилении работы в красноармейских клубах⁶. Красноармейские клубы, как и рабочие, организовывали доклады и лекции, диспуты, концерты. Широкое распространение получили при них драматические, хоровые, художественные и музыкальные студии. В красноармейских клубах возникали и новые формы работы, например, политические суды. На таких судах клубы вскрывали отрицательные явления в жизни общества, разоблачали классового врага. Так, например, в клубах Ивановского гарнизона устраивались агитсуды над кулаками, саботажниками, спекулянтами⁷.

Политико-просветительная деятельность красноармейских клубов охватывала и широкие слои гражданского населения. Иногда организовывались объединенные рабоче-красноармейские клубы. В 1920 г. такое слияние привело к созданию Центрального клуба рабочих, крестьян и красноармейцев г. Ярославля⁸.

В городах рабочая и учащая молодежь создавала свои клубы. К апрелю 1918 г. в г. Иванове действовали клуб подростков и клуб молодежи⁹. 20 ноября 1918 г. по инициативе Костромского общегородского комитета партии объединенная конференция фабрично-за-

¹ ГАЯО, ф. р-162, оп. I, д. 1197, л. 35 об.

² ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 195, л. 66.

³ ГАЯО, ф. р-162, оп. I, д. 1194, л. 7; ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 424, л. 107.

⁴ Северный рабочий, 1918, 12 мая.

⁵ Красный мир, 1919, 11 сентября.

⁶ ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 384, л. 4.

⁷ ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 384, лл. 6, 6 об.

⁸ ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 567, л. 7.

⁹ ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 9, л. 2 об.

водских комитетов приняла решение о создании клуба рабочей молодежи, который позднее получил название — Первый Коммунистический¹. При клубе им. Ленина Ярославской Корзинкинской фабрики был создан специальный подростковый клуб².

В клубах проходили тематические вечера, посвященные революционным событиям, регулярно проводились доклады и беседы по истории революционного движения, по основам политграмоты³. Имеются сведения о том, что именно в стенах Костромского Первого Коммунистического клуба было положено начало созданию костромского комсомола⁴.

Политико-просветительную работу тормозили трудности, вызванные гражданской войной и разрухой. Ощущалась нехватка денежных средств, клубам не хватало помещений, нередко они размещались в деревянных бараках⁵. На совещании культпросветработников Иваново-Вознесенской губернии в 1921 г. все представители уездов, в качестве одной из основных трудностей, указали на острую нехватку керосина, дров и т. п.⁶. Один из членов Костромского I Социалистического клуба вспоминал о трудностях, встретившихся в работе клуба в 1918 г.: «Литературы по клубной работе не было... Ощупью пошли мы по новому пути, крепко держась друг за друга»⁷. В марте 1920 г. Иваново-Вознесенский губоно направил в Костромской, Нижегородский, Московский отделы народного образования и в Наркомпрос РСФСР запрос о возможности закупки таких материалов по клубам⁸. Юрьеvecкий уполитпросвет в июне 1921 г. в срочном порядке запросил у Ивановского губполитпросвета литературу по клубной работе⁹.

Воплощение в жизнь ленинской идеи культурной революции выдвигало на первый план и проблему кадров. Н. К. Крупская в мае 1919 г. указывала, что вопросы подготовки опытных «внешкольников», проникнутых идеями революционного марксизма, стоят чрезвычайно остро¹⁰. Так, в июле 1919 г. в Иваново-Вознесенской губернии имелось всего 3 специалиста по клубному делу¹¹. По отчетно-

¹ *Соболев В. С.* Клуб пролетарской молодежи. — Блокнот агитатора Костромского обкома КПСС, 1977, № 14, с. 29.

² ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 1647, л. 23 об.

³ ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 404, л. 3; ГАЯО, ф. р-162, оп. I, д. 1198, л. 1. 1 об. Наша клубная жизнь, № 1—2, Кострома, 1920, с. 29.

⁴ *Соболев В. С.* Клуб пролетарской молодежи. — Блокнот агитатора и политинформатора Костромского обкома КПСС, 1977, № 14, с. 31.

⁵ ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 424, л. 6, 6 об.

⁶ Там же, д. 425, л. 55—57 об.

⁷ Красный мир, 1920, 15 декабря.

⁸ ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 200, л. 172.

⁹ Там же, д. 425, л. 7.

¹⁰ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 45.

¹¹ ГАИО, ф. р-1319, оп. I, д. 58, л. 215.

статистическим данным на 1 января 1922 г. в Ярославской губернии на 62 клуба и народных дома приходилось всего 49 специалистов¹. Но и эти кадры не имели опыта. Характерным является положение, сложившееся в клубе им. Р. Люксембург в Иваново-Вознесенске к марту 1921 г., — все члены правления проработали в клубе менее года, у двоих из них рабочий стаж исчисляется 15 днями².

Однако, несмотря на то, что условия для культурно-просветительной работы были исключительно тяжелыми, деятельность клубов успешно развивалась. Об этом убедительно свидетельствуют данные по клубам в Иваново-Вознесенской губернии за 1920 г.: 40 клубов, давших сведения в губполитпросвет, организовали 1095 лекций, 140 митингов, 646 спектаклей, 235 концертов³. Число посетителей всех мероприятий составило 542244 чел⁴. В 1921 году 15 костромских клубов организовали 231 лекцию, на которых присутствовало 13701 человек⁵.

Клубы, являясь одними из наиболее массовых организаций города в первые годы революции, заняли особое место в государственной системе политико-просветительной работы. Они повышали уровень общественной активности трудящихся, давали возможность им раскрыть свои способности к творчеству.

Одним из главных итогов деятельности клубов в Верхнем Поволжье в первые годы Советской власти явилась их помощь партийным и советским организациям в мобилизации сил на разгром контрреволюции, в проведении первых революционных преобразований.

Е. Флейман

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КОСТРОМСКОГО
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО
КРАЯ [КНОИМК] В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИРОДНЫХ
РЕСУРСОВ НАШЕГО КРАЯ [1917—1929 гг.]**

В. И. Ленин придавал большое значение изучению и активизации производительных сил на местах. В «Наброске плана научно-технических работ» в 1918 г. он указал на необходимость размещения промышленности в России с учетом местных ресурсов⁶. Созданный по его предложению Госплан и организованные на местах

¹ ГАЯО, ф. р-178, оп. I, д. 1543, л. 169.

² ГАНО, ф. р-1319, оп. I, д. 424, л. 90.

³ Там же, д. 380, лл. 116, 117.

⁴ Подсчитано автором на основании: ГАНО, ф. 1319, оп. I, д. 380.

⁵ *Богданов Н. М.* Народное образование Костромской губернии по данным на 1 января 1922 г. и 1 января 1923 г. Кострома, 1923, с. 26, 27.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 228—231.

губернские плановые и экономические органы поддерживали деятельность краеведческих обществ по изучению местных ресурсов.

Большую помощь краеведческому движению оказали видные деятели Коммунистической партии и Советского государства: Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, В. В. Куйбышев, А. В. Луначарский, Ф. Н. Петров, М. Н. Покровский, П. Г. Смидович и другие. Краеведческую работу они направляли на решение актуальных задач социалистического строительства. Краеведы в те годы могли принести большую пользу государству, так как хорошо знали особенности природы, экономики и этнографию различных губерний. Среди них было немало квалифицированных специалистов: инженеров, агрономов, лесоводов, гидротехников, землеустроителей и т. п.

В нашей губернии краеведы объединились в Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК), в котором в 1928 г. состояло 787 членов¹.

Партийные и советские органы добивались участия членов общества в строительстве новой жизни. Член общества, ныне заслуженный учитель РСФСР, Лев Михайлович Белоруссов вспоминал: «Большое значение на меня как краеведа оказала Октябрьская революция. Она дала возможность заниматься научным творчеством свободно. Размах краеведческого движения в 1920-х годах, — подчеркивал он, — есть результат Октября»².

Сразу же после победы Октября при обществе в 1918 г. была организована комиссия по изучению естественных производительных сил Костромской губернии «в целях их промышленного использования»³. В «Положении» комиссии указывалось, что она «...1) разрабатывает стройный план и систему изысканий и исследований производительных сил края; 2) дает необходимые справки и сведения отдельным лицам и организациям об естественных производительных силах края (о добыче, пунктах нахождения, о свойствах данного богатства, технической и экономической его ценности); 3) собирает литературу по указанному вопросу и отмечает те особенности, которые заслуживают внимание общественных кругов и Совета Народного Хозяйства; 4) занимается издательством сборников и отдельных выпусков об естественно-производительных силах края...»⁴.

В 1923 г. при КНОИМК возникла экономическая секция, в состав которой вошли местные экономисты — члены общества. Пред-

¹ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1928 год. — Кострома, 1929, с. 1.

² Воспоминания Л. М. Белоруссова хранятся в личном архиве автора данной статьи.

³ Государственный архив Костромской области (ГАКО) ф. р-838, оп. I, д. 15, л. 559.

⁴ Отчет... за 1918 год. — Кострома, 1919, с. 22.

седателем секции стал Н. И. Воробьев, секретарем—председатель губернской плановой комиссии В. А. Андреев¹. Президиум секции разработал и издал «Программу экономических наблюдений и исследований в краеведческой работе».

С 1921 г. при КНОИМК стала работать геофизическая станция, которая вела наблюдение над атмосферными осадками, обрабатывала материал, устанавливая зависимость урожайности от метеорологических элементов².

С 1922 г. станция стала производить гидрологические наблюдения за рекой Волгой³.

Значительную исследовательскую работу проводила геологическая лаборатория КНОИМК, организованная в 1923 г. В интересах развития добывающей и обрабатывающей промышленности в губернии сотрудники лаборатории приступили к учету месторождений полезных ископаемых. С этой целью они распространили анкету с объяснением хозяйственного значения того или иного минерала. Например: «Фосфорит — это черный или серый камень, покрытый иногда сверху ржавым налетом. В сельском хозяйстве фосфорит является очень полезным минералом, так как из него готовят минеральные удобрения: фосфоритовую муку и суперфосфат для повышения урожайности»⁴.

С помощью губернских органов власти, субсидирующих экспедиции, краеведы открыли многочисленные месторождения полезных ископаемых. В Костромском уезде около дд. Константиново, Легково, Скоморохово, Которово, Кастилово, Бычиха, Акулово, Городище были обнаружены месторождения болотных руд и охры⁵. В 1919 г. при обследовании береговых обнажений р. Унжи собрали сведения о залегании около г. Макарьева фосфоритов⁶. С 1920 г. началось геологическое изучение берега р. Волги в пределах Костромской губернии. В результате около сс. Пушкино и Селище обнаружили большие запасы мергеля, применяемого в цементном производстве и в качестве строительного материала⁷.

В 1924 г. краеведы обследовали берега рек Покши, Мезы, Вексы, Ноли, Шачи, Светицы, Сельмы, подробно описали и занесли на геологическую карту губернии свыше 170 обнажений пород, изучив их стратиграфию, произведя барометрическую нивелировку районов. Успехом экспедиции явилось обнаружение залежей фосфо-

¹ Отчет... за 1923 год. — Кострома, 1924, с. 6.

² Отчет... за 1922 год. — Кострома, с. 11, 12.

³ Отчет... за 1923 год. — Кострома, с. 14, 15.

⁴ ГАКО, ф. р-838, оп. 4, л. 21, л. 5.

⁵ Материалы КНОИМК из фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника (КИАМЗ).

⁶ Отчет... за 1919 год. — Кострома, 1920, с. 1, 2.

⁷ Отчет... за 1922 год. — Кострома, 1923, с. 3.

ритового пласта на р. Покше, известняков и мергелей на р. Вексе близ совхоза «Внуково», известкового туфа на р. Шаче около дд. Адамово и Куницыно. Местные хозяйственные органы начали разработку этих полезных ископаемых¹.

На следующий год состоялась экспедиция в Кологривский уезд Костромской губернии и — совместно с иваново-вознесенскими краеведами — в Макарьевский уезд Иваново-Вознесенской губернии. Около д. Самылово на правом берегу р. Унжи краеведы открыли выходы пластов горючего сланца, широко применяемого в народном хозяйстве².

Краеведы принимали участие в совещаниях по производственным вопросам. Например, на совместном заседании правления КНОИМК и представителей губернских хозяйственных органов в феврале 1920 г. краевед М. А. Вейденбаум обратил внимание хозяйственников на значительные залежи в крае фосфоритов, серного колчедана. Специалист указал, что наш край богат железными болотными рудами, белыми песками, туфовым известняком, глинами для кирпичного и гончарного производств, торфом³. В 1925 г. краеведы участвовали в совещании по осушению болот Шунгенской волости, в совещаниях губернской плановой комиссии по обследованию и учету минералов, в агрономическом совещании и др. Заслушанная в качестве доклада на одном из общих собраний хозяйственных органов и КНОИМК работа П. Ф. Макарьева «Хлопчатобумажная промышленность Костромской и Иваново-Вознесенской губерний» дала детальную характеристику экономического положения фабрик. Деятельное участие краеведы принимали в работе комиссии губернского продовольственного комитета по ловле рыбы в водоемах губернии⁴.

Разносторонняя помощь со стороны губернских партийных и советских органов способствовала плодотворной работе КНОИМК. Устав общества, как отвечающий интересам социалистического государства, был в 1923 г. утвержден Костромским губернским исполкомом⁵. Многие ответственные работники советского аппарата состояли членами общества. Так, заведующий отделом губисполкома А. В. Высоцкий стал заместителем председателя КНОИМК⁶. Председатель губернской плановой комиссии входил в правление общества⁷.

¹ Отчет... за 1924 год. — Кострома, 1925, с. 14.

² Известия ЦБК. 1926. № 4, с. 117.

³ ГАКО, ф. р-838, оп. I, л. 52.

⁴ Там же, д. 21, л. 68.

⁵ Там же, ф. р-6, оп. I, д. 731, л. 1.

⁶ ГАКО, ф. 508, оп. I, д. 1, л. 1.

⁷ Отчет... за 1926 год. — Кострома, 1927, с. 3.

Партийные и советские органы оказывали постоянную помощь КНОИМК. Так, в 1926 г. президиум Костромского горисполкома вынес постановление: «В целях укрепления и дальнейшего развертывания изученных производительных сил в губернии просить президиум губисполкома предложить губернским отделам ГИК о всемерном содействии научному обществу и об оказании ему возможной поддержки»¹. На заседаниях президиума губисполкома и губернской плановой комиссии неоднократно рассматривались вопросы о работе краеведческого общества и об оказании ему материальной помощи². В работе губернской конференции по изучению производительных сил местного края, состоявшейся в декабре 1923 г., приняли участие работники губисполкома, хозяйственных органов, Центрального бюро краеведения³.

В 1922 г. В. И. Ленин писал о необходимости более конкретного изучения местного опыта «углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую»⁴. Эти ленинские указания нашли свое отражение и в деятельности костромских краеведов. Так, в Солигаличе сбор материалов для выяснения экономического состояния уезда местные партийные органы возложили на краеведа В. Г. Розепина. В 1923 г. вышла его книга «Солигаличский уезд. Материалы для выяснения его экономического состояния». В 1925 г. в «Экономическом сборнике», изданном Солигаличским краеведческим обществом, было опубликовано исследование В. Г. Розепина о ткачестве в с. Гнездниково. Журнал «Краеведение» назвал эту работу «выдающимся по оригинальности и результатам исследованием», дающим еще один «толчок деревне в целом к признанию необходимости перестроить все хозяйство на новый лад»⁵.

И. А. Ардентов использовал краеведческий материал о нерентабельности одноличного хозяйства, о слабости его бюджета, низком уровне полеводства и животноводства и помогал крестьянину лучше понять преимущества кооперативной формы хозяйства.

Л. А. Невский с 1923 по 1930 г. был председателем Нерехтского отделения КНОИМК. Под его руководством производились метеорологические наблюдения в уезде. Обработанные данные по состоянию атмосферы широко использовались в сельском хозяйстве⁶.

Краеведы-специалисты вели культурно-просветительную работу среди рабочих, крестьян, служащих, школьников и студентов, читали лекции и устраивали выставки на производственную тему. Основным содержанием производственной пропаганды было разъяс-

¹ ГАКО, ф. р 16, оп. 1, д. 73, л. 25.

² Там же, л. 731, л. 128.

³ Там же, л. 671, л. 10.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 237.

⁵ Краеведение. 1929, № 8, с. 16.

⁶ Материалы научного архива Нерехтского филиала КИАМЗ.

нение сущности народного хозяйства в социалистическом государстве, органической связи между его отдельными отраслями, а также роли данной отрасли производства в общем хозяйстве страны.

Заслуга краеведов Костромской губернии в 1920-х годах состояла в том, что они откликнулись на задачи, которые поставила Коммунистическая партия перед советским краеведением, приняли активное участие в изучении местных природных ресурсов и в ознакомлении трудящихся масс с хозяйственными планами Советского государства.

Н. Морозов

ТЕМА ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ В КОСТРОМСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция стала великим рубежом в развитии отечественной литературы, ознаменовавшим рождение поэзии нового качества. В Костроме и Костромском крае, как и повсюду в России, не только рабочие поэты, но и прогрессивно мыслящие представители дореволюционных поэтических школ горячо откликнулись на события незабываемых Октябрьских дней.

Размах творчества поэтов-костромичей в послеоктябрьские годы привел к появлению не только множества отдельных стихотворений, но и поэтических сборников. Например, альманах «Девятнадцать новых», изданный в 1923 году в Костроме, включал в себя ряд произведений местных беллетристов, но основная часть его была отведена поэзии.

Жизнеутверждающим гимном советской молодежи, рожденной Великим Октябрем, закаленной в битвах гражданской войны, звучит стихотворение Семёна Дунаева «Молодежь»:

Мы — цветы революции, красные
Молодые цветы,
Мы растем из железа и властвуем,
По гранитам разбросив кусты.
Дни борьбы, дни кровавого пламени —
Вот наш первый приход.
Мы — цветы, расцвели мы на знамени,
Что несут коммунары вперед.¹

Воспринимая Великий Октябрь как величайшее событие мирового значения, костромские поэты в большинстве своем связывают его с повсеместным преобразованием и обновлением жизни. Вот почему тема Революции в стихотворениях некоторых из них часто соот-

¹ Семён Дунаев. Молодежь. Альманах «Девятнадцать новых». Кострома, 1923, с. 14.

носятся с образом молодежи, активно перестраивающей старый быт. Так, Владимир Никифоровский в стихотворении «Молодежи» создал запоминающийся образ задорных молодых энтузиастов, охваченных стремлением повернуть прежнюю деревню на путь революционных преобразований:

* * *

В серых избах окна с петель ржавых сорвем.
На дворах деревень огневой водоем
Разольем!
В водоеме гроза, за грозою лазурь,
Мы предтечи иных, неизведанных бурь...
Эй, слезай поскорей с печи треснувшей, дед,
Оглянись — уж прошедшего нет.
Выходи из избы и с корявой клюкой
Поведем мы тебя за собой...

В. Никифоровский, как видим, ограничился лишь общими призывами к обновлению одряхлевшего деревенского быта (стихотворение написано в 1918 году), но тем не менее стихотворение передает общее настроение радостного ожидания долгожданых перемен в судьбе крестьянина.

Революция определила активную гражданскую позицию и для тех поэтов нашего края, которые имели дореволюционный опыт творчества. Так, стихотворение Н. Курицына «Я подружился с грозой...» отражает восприятие поэтом Великого Октября как очистительной грозы:

Я подружился с грозой,¹
В ней я родное нашел,
С новой и светлой зарею
Путь для себя я обрел.
Мощь, красоту, обаянье
В бурях ищу я, в грозе,
Радостно счастья исканье
На обновленной стезе.¹

Отмечая выход в свет альманаха «Девятнадцать новых», партийный работник А. Высокский, в частности, так оценивал влияние революции на творчество поэтов-костромичей: «Начатая «перекличка» все же послужила к тому, что довольно большая группа поэтов и беллетристов спаялась в одно целое, объединенное одним общим стремлением идти нога в ногу с революцией, воспринять идеи Октября, претворить их в художественные формы...

¹ Курицын Н. Я подружился с грозой... См.: Альманах «Девятнадцать новых», с. 26.

Это объединение растёт в своих творческих достижениях... все больше и больше впитывая в свое творчество дух пролетарской революции, чему особо сильно способствует то, что в этой группе значительное количество членов Р. К. П.»¹.

Говоря о творчестве поэтов Костромского края, современников Великого Октября, нельзя не отметить творчество известного поэта-галичанина А. Н. Соловьева (Нелюдима). Талантливый поэт-самоучка А. Н. Соловьев с радостью воспринял революцию; в своих стихах он всегда занимал позицию активного участника трудных, героических будней строительства нового, социалистического общества. По справедливому замечанию В. Касторского, от некоторых стихотворений А. Н. Соловьева «веет пафосом и гордостью за завоевание советского народа, руководимого Коммунистической партией»².

В день первой годовщины Октября поэт прочитал на многочисленном митинге в Галиче стихотворение «Привет», посвященное успехам и свершениям советского народа, открывшего новую, великую страницу истории:

Приветствую народ в день красной годовщины,
Приветствую вас всех, прорвавших цепь раба!
Ничтожны были мы — теперь мы исполины.
Да здравствует народ! Да здравствует борьба!³

Вместе с другими пролетарскими поэтами поэты Костромской земли внесли своим творчеством определенный вклад в утверждение великой преобразующей силы Октября.

В. Соболев

ОТЧЕТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБИСПОЛКОМОВ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ (1922—1925 гг.)

Отчеты о деятельности губисполкомов относятся к группе письменных источников по истории Советской эпохи. В данной статье использованы лишь опубликованные отчеты трех губисполкомов Верхнего Поволжья: Ивановского, Костромского и Ярославского за период с 1922 по 1925 год. Свой выбор мы ограничили по двум соображениям:

во-первых, изданные отчеты более удобны и доступны для самого широкого круга исследователей;

во-вторых, по своему содержанию они немногим отличаются от подлинников-отчетов, отложившихся в архивных фондах.

¹ *Высотский А.* Вместо предисловия. См.: Там же, с. 6.

² *Касторский В.* Поэт «Правды» А. Н. Соловьев (Нелюдим). В сб.: А. Соловьев. Стихи. Кострома, 1957, с. 12.

³ *Соловьев А.* Указ. соч., с. 45.

Прежде чем рассматривать отчеты с точки зрения изучения истории местных органов власти и управления, следует вкратце дать им общую источниковедческую оценку:

1. Отчеты исполкомов Советов, возникшие как источник после победы Великого Октября, присущи социалистическому строю. Хотя они имеют некоторое чисто внешнее сходство с такими документами дореволюционной истории России, как губернаторские отчеты (в последних тоже имелись сведения о состоянии промышленности, сельского хозяйства, госаппарата, движении населения и т. д.), необходимо сразу же отметить, что отчеты губисполкомов в корне отличаются от упомянутых источников досоветского периода по своему характеру, степени объективности и распространенности, информативности и по иным важным признакам.

2. Отчеты исполкомов губернских Советов составлялись с целью подведения итогов их работы за истекший год. Основой для подготовки их служили годовые отчеты всех отделов и управлений губисполкомов. Отчеты заслушивались и утверждались на губернских съездах Советов и в несколько сокращенном виде издавались (тиражом 1000—2000 экз.) для ознакомления трудящихся губерний.

3. По своему происхождению отчеты являются как бы частью совокупности нескольких видов исторических источников. Поэтому для более глубокого и всестороннего изучения отдельных вопросов истории советского строительства требуется привлекать и другие источники, в том числе архивные.

Рассматривая отчеты губисполкомов, в целом можно дать высокую оценку их достоверности, объективности, полноте содержащихся фактов. В пользу этого мнения свидетельствует ряд серьезных обстоятельств:

— отчеты создаются в самый короткий промежуток времени после тех событий, которые они призваны осветить; в них отражен непосредственный ход всех процессов, происходивших в губерниях, они очень близки духу своего времени;

— они проходят, если так можно выразиться, горнило обсуждения широкой массой депутатов на губернских съездах Советов, которые решали все важные вопросы советского и народнохозяйственного строительства в губерниях;

— отчеты о деятельности губисполкомов — это основные документы отчетно-выборных кампаний в местные Советы, они в суммарной форме отражают все стороны деятельности Советов и позволяют судить о результатах их работы, о достижениях и недостатках, о трудностях.

Перейдем к рассмотрению некоторых вопросов источниковедческого анализа отчетов в плане изучения истории местных Советов.

Прежде всего исследователю будет полезен раздел отчетов «Советское строительство» (иногда аналогичная информация содержит-

ся в разделах «Общие условия советской работы», «Общий обзор работы» и т. п.). Эти разделы дают, в частности, полное представление обо всех изменениях и реорганизациях, которые произошли за год в советском аппарате губерний. Сам по себе срок в один год велик, но в начале 20-х годов еще шел сложный процесс поисков, порой на уровне экспериментов, наиболее оптимальных и экономичных методов и форм управления, поэтому за год подчас происходили большие изменения.

Так, в отчете Костромского губик за 1923 год значится, что за этот период в результате проведенной реорганизации число волисполкомов в губернии сократилось с 137 до 62, а штатная их численность соответственно с 1096 человек до 558. Количество сельских Советов сократилось с 1184 до 493 с сокращением их штатов с 1184 до 986¹. Главной целью при этом являлась экономия в расходовании средств на аппарат власти и укрепление бюджетных возможностей оставшихся ВИКов и сельсоветов.

В аналогичном разделе отчета Ярославского губик за этот же год говорится, что в среднем во всех уездных исполкомах количество отделов сократилось с 11 до 6, а их общая штатная численность с 1888 человек до 1398².

На уровне губернского аппарата за 1923 год также произошли важные изменения. Так, в Костромской губернии упразднился губернский экономический совет, а губсовнархоз объединился с губкомотделом и стал называться губернский отдел местного хозяйства³. Забегая несколько вперед, следует отметить, что уже в отчете за 1924 год сказано о том, что из вновь образованного отдела местного хозяйства сначала выделили Отдел промышленности, который быстро реорганизовали и опять создали губсовнархоз⁴.

В 1923 году упразднились и губернские отделы управления с передачей их организационных функций президиумам губисполкомов. Из отчетов явствует, что губернский аппарат в общем удалось сократить за 1923 год по Костромской губернии на 47%⁵, по Иваново-Вознесенской — на 33%⁶. Причем в Иваново-Вознесенской губернии

¹ Отчет о деятельности Костромского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1923 г. Кострома, 1923, с. 8.

² Отчет Ярославского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов XIV губернскому съезду Советов. Ярославль, 1923, с. 115.

³ Отчет Костромского губисполкома... за 1923 год, с. 9.

⁴ Отчет о деятельности Костромского губернского исполнительного комитета за 1924 год. Кострома, 1925, с. 15.

⁵ Отчет Костромского губисполкома... за 1923 год, с. 9.

⁶ Отчет о годовой деятельности Иваново-Вознесенского губисполкома и губернского экономического совещания. Иваново-Вознесенск, 1924, с. 9.

количество ВПКов сократилось со 135 до 54, а количество сельских Советов с 371 до 213¹.

Но отчеты губисполкомов за 1925 год показывают, что сокращение количества волнсполкомов и сельских Советов не принесло желаемых результатов. Отдаленность их от населенных пунктов затрудняла процесс управления, мешала вовлечь в работу Советов массы населения. Поэтому в Костромской губернии было решено, например, число сельсоветов удвоить (вместо 459 создать 918)².

А в Ярославской губернии количество их увеличилось с 448 до 995³.

Эти примеры показывают сложность поисков в решении вопросов советского строительства на местах, объяснимую и недостатком практического опыта, и разрухой народного хозяйства, и слабыми бюджетными возможностями и многим другим.

В то же время в условиях неповского оживления буржуазных элементов в стране Коммунистической партии надо было в короткие сроки искать пути и методы оживления работы местных Советов. А факты, о которых говорят отчеты губисполкомов, были очень тревожные. Так, в Иваново-Вознесенской губернии на выборы в райсоветы из 377675 избирателей в 1924 году явилось только 48988 человек⁴. Весной 1924 года в выборах в Ярославский горсовет приняло участие всего 59% избирателей⁵. В Костромской губернии количество участвовавших в выборах по уездам в 1924 году в среднем составляло 30%⁶.

Партийные организации Верхнего Поволжья приняли целый ряд мер по оживлению работы Советов, направив в них опытных партийных работников, резко увеличив число депутатов из рабочих и крестьян.

Отчеты губисполкомов за последующие годы содержат сведения о росте активности избирателей. Так, в Костромской губернии количество участвовавших в выборах по уездам в 1925 году уже составило в среднем 48%⁷. Костромской горсовет в 1925 году выбирало 54% всех избирателей (а годом раньше эта цифра составляла всего 21%)⁸.

¹ Годовой отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за 1923—1924 гг. Иваново-Вознесенск, 1925, с. 4—6.

² Отчет о деятельности Костромского губернского исполнительного комитета XV созыва за 1925 год. Кострома, 1926, с. 27, 28.

³ Отчет Ярославского губисполкома к XVI губернскому съезду Советов за 1924—1925 гг. Ярославль, 1926, с. 236.

⁴ Годовой отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за 1923—1924 гг., с. 11.

⁵ Отчет Ярославского губисполкома..., с. 237.

⁶ Отчет Костромского губисполкома... за 1925 год, с. 10.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 31.

Большой интерес представляют рассматриваемые нами источники для изучения социального и партийного состава Советов. Например, в отчете Костромского губисполкома за 1925 год находим следующие сведения:

Из 35 членов губисполкома:

а) членов партии	— 26 (74%)
б) рабочих	— 12 (34%)
в) крестьян	— 16 (45%)
г) интеллигенции	— 7 (20%) ¹

В волисполкомы губернии было избрано 412 человек, из них:

а) членов партии	— 30% (причем из 60 председателей ВИКов 43 являлись коммунистами)
б) членов ВЛКСМ	— 5%
в) крестьян	— 79%
г) женщин	— 9% ²

В Костромской горсовет были избраны 187 человек, из них:

а) членов партии	— 89 (47%)
б) членов ВЛКСМ	— 9 (4%)
в) рабочих и красноармейцев	— 87 (46%)
г) женщин	— 54 (29%) ³

Изданные отчеты губисполкомов построены по отраслевому признаку, то есть материал расположен в них по основным направлениям деятельности исполкомов: советское строительство, промышленность, сельское хозяйство, финансы, народное образование и т. д.

Отсюда возникает еще один важный для исследователей аспект: отчеты дают полное представление об объектах управления местных органов власти. В ведении Костромского губсовнархоза в 1923 году было всего 69 предприятий, из них: 37 было выделено в автономное управление и 32 остались в непосредственном ведении губсовнархоза (причем из них 21 — в аренде; 2 — на консервации; 9 — готовились к сдаче в аренду)⁴.

В ведении Иваново-Вознесенского губернского текстильного треста, входившего в состав губсовнархоза, находилось 19 хлопчатобумажных и 7 льняных фабрик⁵ (кроме того, была «ударная группа» предприятий, подчинявшаяся непосредственно Центру).

¹ Отчет Костромского губисполкома... за 1925 год, с. 9.

² Там же, с. 10.

³ Там же, с. 31.

⁴ Отчет Костромского губисполкома... за 1923 год, с. 30—31.

⁵ Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома... с. 13.

Любопытны, на наш взгляд, данные об объектах управления в сельском хозяйстве. Так, в ведении Костромского губземуправления в 1923 году находилось 10 совхозов, а 34 хозяйства были переданы в аренду¹. В ведении Ивановского губземуправления было 8 совхозов (и 3 — в аренде)².

Одновременно в ведении кооперативных отделов землеуправлений находилось в 1923 году в Костромской губернии — 468 сельскохозяйственных кооперативов³; в Ивановской — 241 кооператив⁴.

В общее число входили коммуны, артели, ТОЗы, меллиоративные товарищества, товарищества по обработке сырья и т. д.

По отчетам наблюдается неуклонный рост кооперации в губерниях Верхнего Поволжья. Так, в 1924 году в ведении Ивановского земуправления было уже 377 кооперативов⁵. Отчеты говорят о том, что именно кооперации со стороны органов Советской власти и управления уделялось наибольшее внимание: кооперативам давались в первую очередь кредиты, семсуды, техника и т. д. Все это являлось начальной стадией реализации ленинского плана кооперации сельского хозяйства.

Отчеты губисполкомов показывают общее улучшение положения крестьянства в Верхнем Поволжье после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Данные по Костромской губернии за 1924 год в сравнении с данными 1916 года показывают:

- а) количество безлошадных хозяйств сократилось с 36% до 29%;
- б) количество хозяйств с 1 лошадию увеличилось с 56% до 69%;
- в) количество беспосевных хозяйств уменьшилось с 18% до 3%⁶.

Хочется остановиться на характеристике еще одной отрасли управления в губерниях Верхнего Поволжья, которая претерпевала в эти годы большие изменения — это торговля (ведение губвнуторг-тов).

Например, в 1923 году в Костромской губернии в ведении государства находилось всего 67 «торговых предприятий» (3,6%), кооперации принадлежало 84 «предприятия» (4,4%), а остальные 1738 (92%) находились в руках частных⁷. По отчетам можно проследить процесс вытеснения частного капитала из торговли. Так, уже к концу 1924 года в Костроме удельный вес частной торговли составил 22,5% (в то время как в 1922 году он составлял 52%⁸.

¹ Отчет Костромского губисполкома... за 1923 год, с. 85.

² Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома..., с. 99—101.

³ Отчет Костромского губисполкома... за 1923 год, с. 82.

⁴ Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома..., с. 79.

⁵ Годовой отчет Иваново-Вознесенского губисполкома..., с. 21.

⁶ Отчет Костромского губисполкома... за 1924 год, с. 21.

⁷ Отчет Костромского губисполкома... за 1923 год, с. 57.

⁸ Отчет Костромского губисполкома... за 1924 год, с. 36, 37.

Это свидетельство о реализации лозунга партии в период нэпа «Кто — кого?» в пользу Советской власти.

Рассматриваемый нами источник содержит информацию и о деятельности общественных организаций в губерниях Верхнего Поволжья, в частности, таких, как губернские отделения МОПР, ОДВФ: общества «Долой неграмотность», «Доброхим», «Спасения на водах», «Друг детей», Советы физкультуры и др. Имеются сведения о их укреплении и росте числа их членов. Так, в отчетах Костромского губисполкома имеются следующие данные о количестве членов¹:

	МОПР	ОДВФ	Губ. совет физкультуры
В 1924 году	11165	17117	2443
В 1925 году	27864	18740	3578

Эти цифры говорят о растущей активности и сознательности самых широких масс трудящихся.

Рамки настоящей статьи позволили нам вкратце охарактеризовать лишь некоторые вопросы источниковой значимости отчетов о деятельности губисполкомов. Но думается, что и этот материал позволяет сделать вывод о том, что отчеты являются ценными источниками для изучения истории местных Советов, раскрывают период восстановления народного хозяйства в Верхнем Поволжье во всей его сложности и многогранности.

А. Евстратова

ТРУДОВОЙ ГЕРОИЗМ КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В. И. Ленин в ряде своих работ показал, что только в труде на себя и на общество советский человек учится претворять в жизнь идеи и принципы коммунизма.

Опираясь на первые успехи социалистической индустриализации, партия и правительство разработали первый пятилетний план развития народного хозяйства на 1928/29—1932/33 гг. Главной, принципиальной задачей плана было создание фундамента социалистической экономики в СССР.

В конце декабря 1928 года XVI губернская партконференция

¹ Отчет Костромского губисполкома... за 1925 год, с. 6, 7.

² После объединения с «Доброхимом» ОДВФ было преобразовано в «Авиахим», а в 1925 г. уже насчитывало 23771 члена.

утвердила пятилетний план развития губернии. За годы первой пятилетки в Костроме планировалось построить фабрику системы Н. Д. Зворыкина, чесальную фабрику, железнодорожный мост через реку Волгу, расширить обувную фабрику «X Октябрь» и возвести ряд других объектов.

Партия отводила большую роль комсомолу в выполнении задач первого пятилетнего плана. XV съезд партии указал на то, что комсомол должен быть одним из главных помощников партии в деле проведения ее политики на фронте борьбы с технико-хозяйственной и культурной отсталостью¹. Руководствуясь решениями XV съезда ВКП(б) и VIII съезда комсомола, комсомол Костромской губернии активно включился в борьбу за реализацию заданий первой пятилетки. Комсомольская организация губернии к началу 1929 г. насчитывала 12152 члена, удельный вес рабочей молодежи в ней составлял 33%².

Выполнение плановых заданий пятилетки было сопряжено с трудностями как объективного, так и субъективного характера: не хватало сырья для текстильных фабрик, низким было его качество, изношенное оборудование много простаивало, не доставало электроэнергии, сказывались недостатки в организации труда и т. д. Вместе с коммунистами комсомольцы и молодежь всегда шли впереди, были инициаторами многих творческих починов. Это по инициативе комсомола возникли производственные конкурсы, они развивали соревнования, помогали организовывать помощь отстающим, выявляли лучших рабочих. В ходе конкурсов заметно увеличивалась производительность труда, укреплялась трудовая дисциплина, усиливалось участие рабочих в управлении производством. Огромный интерес в те годы вызывали массовые конкурсы по профессиям. Благодаря им на ряде фабрик снизились прогулы среди молодежи, увеличилась производительность труда. Так, на фабрике им. Ленина прогулы среди молодежи снизились с 2,8% до 0,8%, брак — с 2,7% до 2,3%; на обувной фабрике прогулы снизились с 1,4% до 0,6%, а производительность труда увеличилась на 4,5³. Уже в итоге первого года пятилетки прирост промышленной продукции составил 32,5% вместо 19% по плану⁴. Еще более эффективными оказались ударные бригады. Рост их был связан с массовым социалистическим соревнованием. В этот период

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4. — М., 1972, с. 48, 49.

² Заветам Ленина верны. Сборник документов, материалов из истории Костромской комсомольской организации 1917—1970 гг. — Ярославль, 1974, с. 91.

³ *Евстрелья А. И.* Деятельность комсомольских организаций Верхнего Поволжья по трудовому воспитанию молодежи. — В сб.: Краеведческие записки (вып. 2) — Ярославль, 1977, с. 97.

⁴ Очерки Костромской организации КПСС. — Ярославль, 1967, с. 231.

они стали одной из важнейших форм социалистического труда. Они боролись за уплотненный рабочий день, за снижение брака, за перевыполнение норм выработки. Они возглавили всенародное движение под лозунгом «Пятилетку в четыре года». В ударные бригады шла лучшая молодежь, те, кто глубоко осознал задачи социалистической реконструкции. Активно включились в создание ударных бригад комсомольцы фабричного района Костромы. На пленуме райкома комсомола 6 марта 1929 года специально был поставлен вопрос об организации ударных бригад. По всем клубам и общежитиям прошли собрания молодежи, которые охватили около 1500 человек, т. е. 45% всей текстильной молодежи Костромы¹. На фабрике имени Ленина было создано 88 ударных бригад², из них 11 комсомольских, которые охватили 105 человек³. Они повысили производительность труда с 20 до 23,5 метра ткани в смену. В отчетном докладе оргбюро окружкома Костромской окружной конференции, проходившей в июле 1929 г., говорилось: «Комсомольцы сократили угар по текстильным предприятиям по сравнению с мартом на 772 кг, что дает экономию в 1814 рублей. Простои станков сократились на 1507 часов, что дает экономию 6350 рублей. Переход на рационализованно-уплотненный день 70 комсомольцев дал экономии в 1898 рублей⁴».

Название фабрики	Всего рабочих	Из них ударников	В том числе	
			членов ВКП(б)	членов ВЛКСМ
Фабрика имени Ленина				
январь 1931	5942	3049	565	185
июнь 1931	7007	4785	1003	403
январь 1932	5282	5215	969	352
Фабрика «Знамя труда»				
январь 1931	1758	1358	210	198
июнь 1931	1712	1273	271	179
январь 1932	1230	1229	303	272
Фабрика «Лента»				
январь 1931	517	517	95	50
июнь 1931	540	540	95	58
январь 1932	883	883	93	35

¹ ПАКО, ф. 38, оп. I, л. 248, л. 6.

² Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 344, оп. I, л. 690, л. 109.

³ ПАКО, ф. 38, оп. I, л. 248, л. 6.

⁴ Там же, л. 20.

На заводе «Рабочий металлист» уплотнение рабочего дня привело к тому, что металлисты за 11 дней выпускают 250 горен, тогда как до организации соревнования выпускали 300 горен в месяц¹. К маю 1930 года ударничеством было охвачено 31 предприятие города из 35². Из месяца в месяц росло число ударников по предприятиям. Об этом убедительно говорят следующие данные по некоторым фабрикам г. Костромы³ (см. табл. на с. 29).

Ленинский набор в ударные бригады, проведенный в январе 1930 года ЦК ВЛКСМ совместно с ВЦСПС, дал по городу 53 новых ударных бригады⁴. В этих бригадах, как отмечалось на общегородской конференции ударников г. Костромы, работало 1420 комсомольцев⁵.

Новой творческой инициативой рабочего класса явились хозрасчетные бригады. Хозрасчет являлся той базой, которая позволяла еще больше развивать трудовую активность молодежи, все больше вовлекать ее в социалистическое соревнование. К маю 1932 года по предприятиям Костромы в соцсоревновании принимало участие около 92% комсомольцев⁶. Хороших показателей добились хозрасчетные бригады комсомольцев Суркова и Крылова с фабрики «X Октябрь». Все комсомольцы этой фабрики были охвачены ударничеством. За хорошую работу в выполнении производственных планов фабрика «Знамя труда» была награждена Красным знаменем городского Совета и в этом большая заслуга комсомольской организации фабрики⁷. В рапорте III областной партконференции комсомольцы фабрики имени Ленина сообщали, что на фабрике создано 11 хозрасчетных бригад, которые выполняют промфинплан на 120—130%⁸. В 1931 году на предприятиях Костромы насчитывалось 410 хозрасчетных бригад⁹.

Трудовая активность молодежи проявилась в переходе на уплотненную работу. Так, крутильщицы фабрики «Искра Октября» и фабрики имени Ленина стали работать на двух сторонках. Ткачихи фабрики имени Ленина перешли с 2 станков на 3 и 4 станка. Одной из первых на 7 станков перешла комсомолка Абрамова с фабрики «Знамя труда»¹⁰. На фабрике «Искра Октября» на уп-

¹ Заветам Ленина верны, с. 98.

² ГАКО, ф. 556, оп. 1, д. 57, л. 46.

³ Подсчитано автором на основе материалов ГАКО, ф. 344, оп. 2, д. 361, лл. 12, 24.

⁴ Северная правда, 1930, 15 февраля.

⁵ ЦАКО, ф. 37, оп. 1, д. 1, л. 11.

⁶ Краевестческие записки (вып. 2) - Ярославль, 1977, с. 104.

⁷ Заветам Ленина верны, с. 111.

⁸ За качество, 1932, № 16.

⁹ Очерки истории Костромской организации КПСС, с. 231.

¹⁰ Северная правда, 1930, 16 февраля.

лотненную работу на ватерах перешел комсомолец-смазчик Сальков.

В годы первой пятилетки на фабриках города развивается рационализаторство и изобретательство. Рабочими фабрики имени Ленина было внесено 120 предложений за год, только 40 из них давали экономию 30 тысяч рублей¹. На фабрике «X Октябрь» комсомольцем Смирновым было внесено предложение о сокращении одного процесса, что дало экономию 1200 рублей в год. Комсомольская инициативная группа раскройной фабрики внесла предложение о рациональном расходовании подсалки — экономия 700 рублей в месяц². Движение рационализаторов потребовало и технической подготовки рабочих, поэтому бригады включались в соревнование за овладение техницизмом. Молодые ударники г. Костромы на общегородской конференции приняли постановление о массовом походе ударников за овладение техническими знаниями³. Технические экзамены тоже поднимали производственную активность молодежи.

Пятилетний план предусматривал обширную программу капитального строительства. Комсомол провел первые всесоюзные призывы молодежи на решающие участки строительства социализма. Одним из таких участков стала борьба за увеличение добычи угля. На помощь Донбассу Костромской горком ВЛКСМ направил 64 человека⁴. На строительство Сталинградского тракторного завода от Костромской комсомольской организации было направлено 55 человек⁵, для работы в Средней Азии — 50 активистов⁶.

В труде закалялись характеры, воспитывалась воля борцов за социализм, ковался новый тип человека, формировалась социалистическая личность.

*Б. Жижиков,
И. Травина*

ШАГИ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Первый пятилетний план Страны Советов был принят XVI партийной конференцией ВКП(б) в апреле 1929 года, а в мае был утвержден V Всесоюзным съездом Советов в качестве государственного плана. Конференция приняла обращение «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза», призвала их

¹ Северная правда, 1929, 20 января.

² Заветам Ленина верны, с. 99.

³ ПАКО, ф. 57, оп. 1, д. 6, л. 50.

⁴ Там же, ф. 37, оп. 1, д. 26, л. 25, 26.

⁵ ПАКО, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 17.

⁶ Ленинец, 1931, 11 января.

развернуть массовое социалистическое соревнование, как решающее условие достижения намеченных целей.

В адрес конференции костромичи направили приветствие, в котором писали: «13500 текстильщиков Костромы выражают решительную готовность бороться с трудностями социалистического строительства, крепить и впредь дело социалистического соревнования»¹. По обсуждению итогов конференции в Костроме, других городах и районах прошли открытые партийные собрания, всего в 11 районах округа состоялось 197 собраний.

В мае 1929 года I Костромская окружная партийная конференция, подводя итоги первых шагов пятилетки, записала в своей резолюции, что «решения XVI партконференции о пятилетнем плане и первые шаги по его реализации дают уверенность в том, что темпы, запроектированные в пятилетнем плане, будут выполнены полностью, что страна строящегося социализма догонит и перегонит технически передовые капиталистические страны»².

Пленум окружкома ВКП(б) в декабре 1929 года отмечал увеличение числа рабочих в Костроме уже в первом году пятилетки на 9%. За счет усовершенствования производственных процессов, рационализации производства, обновления оборудования выработка на одного рабочего в месяц возросла на 21,5%³.

В годы первой пятилетки внимание партийной организации и всех трудящихся Костромского края было приковано к таким новостройкам, как льнокомбинат системы инженера И. Д. Зворыкина, ТЭЦ, железнодорожный мост через Волгу. Строительство ТЭЦ и моста решило две наиболее острые проблемы Костромы — транспортную и энергетическую.

Подготовительные работы на строительстве моста через Волгу начались в 1929 году. Строители с первых дней работы взяли ударные темпы: в сентябре был заложен первый кессон, а уже к весне 1932 года строители добились решающего успеха. 1 марта «Северная правда» писала: «Одержана новая победа. В ночь с 28 на 29 февраля в два часа 30 минут левобережная и правобережная части моста замкнуты...» 1 мая 1932 года в торжественной обстановке мост был открыт для движения поездов⁴.

15 сентября 1930 года на 15 дней раньше срока была пущена первая очередь ТЭЦ. В 1931 году 9 предприятий города были полностью электрифицированы, а в 1933 году электрифицировано еще 16⁵. В первой пятилетке в Костроме вошли в строй

¹ ПАКО. ф. 1. оп. 2. д. 1602. л. 85.

² ПАКО. ф. 3. оп. 1. д. 17. л. 78.

³ Там же, ф. 3215. оп. 1. д. 594. л. 15.

⁴ Там же, ф. 1. оп. 2. д. 1156. л. 1.

⁵ Владимирский Н. Костромская область. Кострома, 1959, с. 197.

также завод силикатного кирпича, кирпично-черепичный завод и судверфь, выпускающая баржи, баркасы и лодки.

Вопрос о строительстве в Костроме нового льнокомбината, оснащенного современной техникой, встал в 1927 году. Автором проекта был инженер Иван Дмитриевич Зворыкин, в 1930 году избранный членом ВЦИК. Проект рассматривался на ряде технических и общественных совещаний, окончательная мощность комбината и сроки его строительства определились в июне 1930 года, и в этом же году был заложен фундамент первых корпусов. Летом 1931 года строительство комбината было включено правительством в число ударных. Строить льнокомбинат взялась вся Кострома: на субботники и воскресники приходили рабочие, служащие, учащиеся.

Призыв партии обеспечить выполнение пятилетки в четыре года превратился в боевой лозунг трудящихся. Рабочие Костромы, Нерехты и других городов объявили себя мобилизованными на борьбу с трудностями и закрепленными на производстве до конца пятилетки.

Умелая организация социалистического соревнования со стороны партийных и профсоюзных организаций многократно усиливала тот эффект, который давал трудовой подъем масс. Зарождались десятки новых начинаний, в социалистическое соревнование вступали бригады, смены, цехи, предприятия. Договоры на соцсоревнование заключались на рабочих собраниях и конференциях, итоги соревнования подводились специально избранными рабочими бригадами.

Широкий размах в Костромском округе получило развернувшееся по всей стране движение ударников. На 7 февраля 1930 года в ударных бригадах участвовало около 7 тысяч человек¹, ударными становились бригады, цехи, предприятия. Так, 4 июля 1930 года рабочие фабрики «X Октябрь», обсудив вопрос на общефабричном собрании, приняли решение объявить фабрику ударной. «Социалистическое соревнование стало основным методом нашей работы». — писали они в своем рапорте в «Северную правду». 81 ударная бригада, 469 ударников боролись за перевыполнение плана, за досрочное выполнение пятилетки. Кожевники вызвали на соцсоревнование рабочих московской обувной фабрики «Буревестник». Комсомольцы «X Октября» Гурьев и Кудрявцев взяли обязательство отчислять 1% своего заработка в течение всей пятилетки в фонд индустриализации. Их примеру последовала молодежь других предприятий города.

Широкое распространение в годы первой пятилетки получили общественные буксирсы: передовые предприятия помогали отстаю-

¹ ПАКО, ф. 3, оп. 1, д. 114, л. 111.

щим. В августе 1930 года коллектив той же обувной фабрики «X Октябрь» решил взять на общественно-технический буксир Иваново-Вознесенскую обувную фабрику «Трудовая коммуна». Бригада лучших рабочих-ударников из Костромы, проанализировав причины отставания ивановцев, в течение полутора месяцев помогла наладить им бесперебойный выпуск продукции¹.

Состоявшиеся в Костроме 26 февраля 1930 года окружная и 4 октября 1930 года городская конференции ударников подвели итоги соревнования первого года пятилетки.

Благодаря самоотверженному труду и огромному энтузиазму трудящихся, выполнение плана первой пятилетки было завершено в 4 года. Костромичи внесли достойный вклад в общее дело социалистического строительства.

Успешное выполнение плана первой пятилетки обеспечило переход к новому этапу социалистического строительства. Руководствуясь директивами XVII Всесоюзной партийной конференции и XVII съезда ВКП(б), партия развернула борьбу за выполнение второго пятилетнего плана (1933—1937 гг.). Важнейшей хозяйственной задачей его было завершение технической реконструкции народного хозяйства.

В Костромском крае растет ряд новых, ранее отсутствовавших или слабо развитых отраслей промышленности: металлообработка, машиностроение, судостроение. Во второй пятилетке была проведена реконструкция завода «Рабочий металлист», и в марте 1933 года президиум Костромского горсовета принял решение об организации экскаваторостроения на этом заводе. Проект реконструкции завода был утвержден Совнаркомом. Предприятие, выпускавшее ранее мелкий сельскохозяйственный инвентарь и некоторые предметы быта, перешло к выпуску экскаваторов. Весь коллектив жил одной мыслью — дать к XVI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции первый экскаватор. Инженеры и рабочие-сборщики проявляли поистине героизм в борьбе за первую машину, работая по 18—20 часов ежедневно. Коммунисты личным примером вдохновляли рабочих. 7 ноября 1933 года газета «Северная правда» опубликовала телеграмму коллектива завода наркому тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе: «Коллектив рабочих и ИТР завода «Рабочий металлист» выпустил к годовщине Октября первый экскаватор»².

В 1934 году на базе механических мастерских индустриального техникума возник машиностроительный завод им. Л. Б. Красина, освоивший производство полнокомплектного оборудования для резиноасбестовой промышленности, ранее ввозившегося из-за гра-

¹ Северная правда. 1979. 29 апреля.

² Костромской экскаваторный завод. Кострома, 1972, с. 122.

ницы. Завод стал важной базой для резиновой промышленности СССР.

18 января 1935 года правительственная комиссия приняла и включила в число действующих крупяно-толоконный завод, оборудованный машинами советского производства, в помещении бывшей махорочной фабрики. А через несколько дней, 23 января, вступил в строй второй теплофикационный турбогенератор на Костромской ГЭЦ мощностью 7500 кВт. В этом же году на месте маленькой фабрики купца Брунова, выпускавшей когда-то мешки, был построен игольно-планочный завод «Красная маевка». Завод освоил производство технической иглы и игольно-планочной гарнитуры для текстильной промышленности. Во всех концах страны на льняных, хлопчатобумажных, суконных фабриках его изделия завоевали авторитет, вытесняя дорогую заграничную оснастку.

Но главной стройкой льняной промышленности оставался льнокомбинат системы инженера И. Д. Зворыкина, строительство которого началось в сентябре 1930 года. К началу 1935 года строительные работы в основном были завершены. В мае 1935 года начался монтаж оборудования, изготовленного Ленинградским заводом им. К. Маркса. В светлых цехах прядильной фабрики устанавливались быстроходные ватера системы И. Д. Зворыкина, дававшие число оборотов веретен в 2 раза больше, чем английские. В июне 1936 года в эксплуатацию вступили первые очереди прядильного и ткацкого цехов. В 1937 году льнокомбинат набрал проектную мощность. Детище талантливого советского инженера И. Д. Зворыкина стало опытным предприятием по испытанию новейшего оборудования, базой развития всей льняной промышленности Советского Союза.

Старые предприятия Костромы тоже обновлялись. На «Красном фанерщике» начали действовать цеха сухой клейки фанеры, сушильный цех и механическая мастерская. Судомеханический завод перешел к серийному производству шести, потом девяти типов катеров с моторами советской марки. Обувная фабрика «X Октябрь» начала конвейерное производство с непрерывно-поточной работой, оснастилась новым технологическим оборудованием и значительно повысила производительность труда. Железнодорожная ветка, опоясавшая полукольцом город, соединила в 1934 году все текстильные фабрики и другие предприятия со станцией Кострома-Новая, что намного облегчило и удешевило перевозки сырья и готовой продукции. В годы второй и третьей пятилеток в Костроме были построены хлебозавод, почтамт и телефонная станция, фабрика-кухня, началось строительство железной дороги Кострома — Галич.

Улучшению работы промышленных предприятий, выполнению производственных планов способствовал широкий размах социали-

стического соревнования. В годы второй пятилетки народная инициатива выдвинула движение новаторов, названное стахановским, движение за повышение производительности труда, за пересмотр устаревших норм, за освоение новой техники. Широкое распространение стахановское движение получило и на костромских предприятиях. На строительстве льнокомбината системы И. Д. Зворыкина каменщица Мария Жарова первой среди строителей в октябре 1935 года во много раз перевыполнила дневную норму.

В октябре 1935 года в Москве состоялся Всесоюзный слет стахановцев, где Кострому представляли каменщица Жарова, ткачихи Запелалова и Дроздова, ватерщица Смирнова, кордовщица Хабидулина. За высокие производственные показатели группа костромичей была награждена орденами, медалями и знаками «Отличник соцсоревнования»; ордена Трудового Красного Знамени удостоилась Мария Жарова¹.

XVIII съезд партии, состоявшийся в марте 1939 года, рассмотрел и утвердил третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.).

В ответ на решение съезда на всех промышленных предприятиях Костромы развернулись новые, более высокие формы стахановского движения: многостаночное обслуживание, совмещение профессий, движение за досрочное выполнение пятилетки. Проведенные на заводах и фабриках технические конференции позволили выявить дополнительные резервы производства. Большую роль сыграли созданные в 1940 году ремесленные училища и школы ФЗО.

Выступая на IX Костромской партийной конференции, обсудившей в марте 1940 года ход выполнения третьего пятилетнего плана в Костроме, секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ Ю. В. Андропов отметил, что «городская партийная организация стала крепче, сплоченней, сумела мобилизовать и организовать трудящихся города Костромы на успешное решение задач, поставленных XVIII съездом партии»².

Война, развязанная фашистской Германией, прервала мирный труд советских людей, помешала успешному завершению третьего пятилетнего плана. Все силы партии и народа сосредоточились на военной защите страны от агрессора. Костромичи, как и весь советский народ, в едином патриотическом подъеме поднялись на защиту своей Родины.

¹ Северная правда, 1979, 11 мая.

² ПАКО, ф. 2, оп. 1 д, 975, л. 116.

Начало деятельности Костромского университета марксизма-ленинизма относится к трудным годам Великой Отечественной войны. За годы Великой Отечественной войны в городах и районах, вошедших в Костромскую область, было принято 5787 человек в члены и 8293 в кандидаты партии¹. Новое пополнение не имело достаточной идейно-теоретической подготовки. Это могло отрицательно сказаться на деятельности молодых коммунистов, на идеологической работе партийных организаций. На очередь дня среди других выдвинулась задача повседневной теоретической учебы коммунистов, в частности, находящихся на руководящей работе. Была найдена и удачная форма обучения партийного актива — вечерний университет марксизма ленинизма.

20 декабря 1943 года бюро Костромского горкома ВКП(б) приняло решение «Об организации вечернего университета марксизма-ленинизма»². Было утверждено «Положение о вечернем университете марксизма-ленинизма». В нем указывалось: «Вечерний университет марксизма-ленинизма имеет целью наряду с главным и основным методом изучения марксистско-ленинской теории — политическим самообразованием — способствовать идейному росту кадров». Университет имел два факультета — исторический и экономический с годичным сроком обучения. На учебу принимались работники аппарата горкома и райкомов ВКП(б), секретари парт-организаций, руководители предприятий (не ниже начальника цеха), руководящие работники советского аппарата, медработники, преподаватели школ и техникумов.

Первое занятие университета состоялось 27 декабря 1943 года³. Слушатели занимались один раз в неделю по 4 часа. С первых шагов университета горком ВКП(б) уделял самое пристальное внимание его работе. Так, только за 1944—1950 гг. вопросы содержания учебного процесса, организации набора, улучшения деятельности университета обсуждались 18 раз.

¹ Партийный архив Костромского обкома КПСС (ПАКО), ф. 765, оп. 5, д. 37, л. 87.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 760, л. 61.

³ ПАКО, ф. 2, оп. 1, д. 834, л. 33. В связи с этим при переиздании следует внести уточнение в текст «Очерков истории Костромской организации КПСС», где говорится, что университет марксизма-ленинизма стал работать с 1944 года (См.: Очерки истории Костромской организации КПСС (Ред. колл.: М. Н. Сняжников и др. — Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд-во, 1967, с. 294). Приведенная в книге дата не подтверждена ссылкой на документ архива.

40-е годы — время становления университета. На первом этапе деятельности университета марксизма-ленинизма и его руководством, и слушателям пришлось преодолеть немало трудностей: не хватало книг, письменных принадлежностей. Занятия проходили в кабинетах секретарей горкома ВКП(б) и Свердловского райкома ВКП(б), в комнатах инструкторов. Но благодаря помощи партийных комитетов трудности преодолевались. Так, в 1947/48 учебном году университет сумел снабдить слушателей бумагой, выдал в среднем по десять тетрадей на месяц, отпечатал планы семинарских занятий¹. В октябре 1947 года обком ВКП(б), учитывая просьбу работников и слушателей университета марксизма-ленинизма, направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) письмо с просьбой выделить учебники по истории СССР, истории ВКП(б), политэкономии, диалектическому и историческому материализму, экономической политике СССР, логике и психологии (по 50 экземпляров каждого)².

Происходит дальнейшее организационное совершенствование университета марксизма-ленинизма. 25 ноября 1944 года бюро горкома ВКП(б) принимает решение о наборе слушателей уже на три факультета: дополнительно создается философский факультет³. С февраля 1946 года слушатели занимаются не один, а два раза в неделю — по понедельникам и четвергам⁴. С августа 1945 года решением бюро горкома ВКП(б) срок обучения в университете марксизма-ленинизма увеличивается до двух лет⁵. Растет и число желающих учиться в университете. В ноябре 1946 года создается отделение университета для научных работников, на котором занимались профессора, доценты и преподаватели текстильного и учительского институтов⁶. В октябре 1947 года открываются специальные филиалы для работников управления МГБ, для учителей⁷. С сентября 1949 года начало работу отделение работников искусств, в 1950/51 учебном году начал действовать филиал в Заволжском райкоме ВКП(б)⁸.

Если в 1944 году в университете марксизма-ленинизма обучалось 100 человек, то в 1949/50 учебном году 410 слушателей. Поэтому с сентября 1948 года, кроме должности директора, в универ-

¹ ПАКО, ф. 1195, оп. 1, д. 8, л. 1; д. 33, л. 23.

² Там же, д. 8, л. 11.

³ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 834, л. 210.

⁴ Там же, д. 895, л. 29.

⁵ Там же, л. 156.

⁶ Ныне Костромской ордена Трудового Красного Знамени технологический институт и Костромской государственный педагогический институт имени Н. А. Некрасова.

⁷ ПАКО, ф. 2, оп. 1, д. 929, л. 167, 168.

⁸ ПАКО, ф. 1195, оп. 4, д. 1, л. 1; Там же, д. 57, л. 37.

ситете марксизма-ленинизма вводится должность завуча; им стала Е. Д. Шаваркина¹.

До 1947 года в университете марксизма-ленинизма работали соответственно факультетам предметные комиссии — историческая, философская и экономическая, а с сентября 1948 года по решению педсовета создаются первые кафедры — политэкономии и истории ВКП(б).

Следующий этап работы УМЛ — 50-е — середина 60-х годов. Университет приобрел более четкую структуру. Если в 40-е годы ряд курсов УМЛ работал без деления на факультеты, общим потоком, то в 1958/59 учебном году вновь восстановлены факультеты — исторический, экономический, философский. С сентября 1953 года в университете вводится трехгодичный срок обучения — и на факультетах, и в филиалах². В этот период четко оформились и кафедры УМЛ — истории КПСС, политэкономии, диалектико-лого и исторического материализма. Складывается и костяк опытных педагогов. Так, неоднократно отмечались с лучшей стороны лекции по истории партии, которые читал М. И. Синяжников³.

Решением бюро Костромского горкома КПСС от 20 мая 1964 года за длительную и плодотворную преподавательскую работу в УМЛ Почетными грамотами горкома партии были отмечены М. И. Краснов, Б. Е. Вассерман, М. А. Шпиндлер, П. К. Ермолаев, В. С. Орлов, И. П. Шульман⁴.

О расширении деятельности УМЛ свидетельствует увеличение численности выпускников. Так, если за первые 15 лет (1945—1959) было подготовлено 1404 слушателя, то за пять лет (1960—1965) — 1015 слушателей⁵.

Об изменениях в составе обучающихся свидетельствует следующая таблица⁶.

Учебный год	Количество слушателей	В том числе членов и кандидатов КПСС	%	В том числе с высшим образованием	%
1949—50	515	357	70	165	30
1963—64	830	441	53	383	46

¹ ПАКО, ф. 2, оп. 1, д. 834, л. 210; ф. 1195, оп. 1, л. 57, л. 18; ф. 2, оп. 1, д. 984, л. 176, 177.

² Там же, ф. 1195, оп. 2, д. 26, л. 3; там же, д. 14, л. 7.

³ ПАКО, ф. 1195, оп. 4, д. 2, л. 3; там же, д. 3, л. 6.

⁴ Там же, д. 23, л. 53.

⁵ Там же, оп. 6, д. 11, л. 30.

⁶ Там же, оп. 4, д. 1, л. 3; там же, д. 18, л. 19 (подсчитано автором).

УМЛ в соответствии с указаниями комитетов и требованиями времени в 1962/63 учебном году впервые вводит курс методики пропагандистской работы. Тогда же начато чтение лекций по истории Костромской партийной организации. Готовясь к теоретической конференции «Коммунисты Костромской области в едином строю ленинской партии», слушатели изучили литературу по истории Костромской организации КПСС, посетили историко-краеведческий музей-заповедник, государственный и партийный архивы, использовали материалы периодической печати. Подготовка докладов потребовала от слушателей серьезной исследовательской работы под руководством преподавателей УМЛ¹.

С января 1961 года университет марксизма-ленинизма начал работать в новом здании Дома политического просвещения.

С середины 60-х годов наступает новый этап в деятельности университета марксизма-ленинизма. Он связан с началом перестройки системы политического просвещения. В соответствии с решением бюро горкома КПСС от 15 сентября 1964 года, дополнительно к ранее существующим создаются новые факультеты — партийно-хозяйственного актива и партийно-государственного контроля².

О качестве учебного процесса свидетельствует успешная сдача экзаменов кандидатского минимума по диалектическому и историческому материализму: так, за 1965—1971 годы кандидатский минимум сдали 662 слушателя³.

27 декабря 1968 года научно-методический совет университета марксизма-ленинизма утвердил «Положение о пропагандистской практике», основными задачами которой были закрепление полученных теоретических знаний в области марксистско-ленинской теории, приобретение навыков пропагандистского мастерства и приобщение слушателей к агитационно-пропагандистской работе⁴.

Потребность в идеологических кадрах росла. В сентябре 1965 года в Бусе, Галиче и Шарье, а затем в Нерехте открылись филиалы университета марксизма-ленинизма, ставшие надежными помощниками партийных комитетов в подготовке и воспитании идеологического, пропагандистского актива партии⁵.

В этот период деятельность Костромского университета марксизма-ленинизма получила довольно широкое отражение на страницах печати. Большой вклад в это внес директор УМЛ в 1963—1972 годах Н. А. Еремин⁶.

¹ ПАКО, ф. 1195, оп. 4, д. 18, л. 2; там же, д. 23, л. 16.

² Там же, л. 96.

³ Там же, оп. 6, д. 11, л. 33 (подсчитано автором).

⁴ Там же, оп. 5, д. 17, л. 16.

⁵ ПАКО, ф. 765, оп. 11, д. 103, л. 33; ф. 1195, оп. 5, д. 24, л. 17.

⁶ Впоследствии Н. А. Еремин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Важный этап в деятельности университета марксизма-ленинизма наступил в середине 70-х годов. Это связано с выходом в свет постановления ЦК КПСС «О задачах партийной учебы в свете решений XXV съезда КПСС» (1976 год) и публикацией нового «Положения об университетах марксизма-ленинизма»¹. В соответствии с постановлением бюро областного комитета партии университет марксизма-ленинизма Костромского горкома КПСС преобразован в университет марксизма-ленинизма Костромского обкома КПСС².

Партийные комитеты усилили внимание к работе университета марксизма-ленинизма. Так, в 1975—1976 годах бюро обкома КПСС рассматривало вопросы: об учебе идеологических кадров, об учебе преподавателей, о переподготовке пропагандистов из районов области. Бюро Костромского горкома КПСС в феврале 1976 года рассмотрело вопрос «О состоянии и мерах улучшения марксистско-ленинской подготовки идеологического актива и руководящих кадров в университете марксизма-ленинизма в свете постановления ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии»³. Эти указания, а также постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 год), «О дальнейшем совершенствовании партийной учебы в свете решений XXVI съезда КПСС» (1981 год) стали для университета марксизма-ленинизма долговременной программой улучшения всей учебно-воспитательной деятельности, работы со слушателями.

Повысился уровень работы кафедр. Если в 1967 году в УМЛ работали 80 преподавателей, в том числе 26 кандидатов наук, то в 1982 году 100, в том числе 6 докторов и 36 кандидатов наук, 15 преподавателей, среди которых С. П. Сироткин, В. Л. Миловидов, Ю. Г. Волков, занесены в книгу Почета университета, 29 — награждены Почетными грамотами УМЛ⁴.

Улучшается и качественный состав слушателей. Если в середине 70-х годов в составе слушателей было 50% коммунистов, то в настоящее время их 62%. За 1970—1982 годы высшее политиче-

¹ Положение об университетах марксизма-ленинизма. Политическое самообразование, 1976, № 10, с. 76—78.

² ПАКО, ф. 1195, оп. 7, д. 1, л. 19.

³ ПАКО, ф. 1195, оп. 7, д. 4, л. 4; там же, д. 1, л. 16.

⁴ Там же, оп. 5, д. 16, л. 4; Андронов Т. Высшее политическое: К итогам учебного года в университете марксизма-ленинизма. — Северная правда, 1982, 27 июня.

ское образование получили около 7 тысяч идеологических активистов, среди них более 2 тысяч преподавателей вузов, техникумов, преподавателей школ, профтехучилищ, свыше 800 руководящих работников¹. Более 80 процентов выпускников выполняют ответственные партийные поручения, многие из них избраны в руководящие партийные, комсомольские, профсоюзные, советские органы².

Боевой программой действий стали для идеологических работников решения июньского (1983 года) Пленума ЦК КПСС. Работники Костромского университета марксизма-ленинизма делают все, чтобы продолжить и развить накопленный опыт подготовки и воспитания идеологических кадров, совершенствовать учебно-воспитательный процесс.

---

¹ Андронов Т. Высшая школа пропагандистов. — Северная правда. 1983. 11 июня.

² ПАКО, ф. 1195, оп. 6, д. 42, л. 9.

II. КРАЙ В ПЕРИОД ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ

М. Шахова

ПОЛОЖЕНИЕ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Помещичьи крестьяне являлись самой большой категорией крепостного крестьянства в Костромской губернии. В 1810 г. в губернии насчитывалось 776 869 крепостных крестьян, из них помещичьих крепостных и дворовых людей — 553 571 чел.¹; в 1846 г. помещичьих крестьян было 601 601 человек, дворовых людей — 10 507 человек².

Основными повинностями костромских крестьян в первой половине XIX века были барщина и оброк, с преобладанием оброчной формы эксплуатации, что было связано с распространением промыслов, с отходом, так как сельское хозяйство не могло обеспечить крестьян. Средний размер крестьянского надела на душу мужского пола составлял всего 6,8 десятины³; на 1 тягло (2,2 души) приходилось 5,4 десятины пашни и 2 десятины сенокоса. Такого количества земли было недостаточно; господствующей системой земледелия было трехполье «без улучшений и нововведений в обработке почвы, в земледельческих орудиях и в средствах удобрения почвы»⁴, на выпаханных истощенных почвах крестьянских наделов урожай были низкие (в среднем — сам-3)⁵. В официальных отчетах о посеве и урожае хлеба в губернии неоднократно указывалось, что многие крестьяне по бедности своей не только на пропитание, но и на посев не имели хлеба⁶.

Накануне падения крепостного права оброчные крестьяне составляли в Костромской губернии 67,2%; барщинные — 12,1%, на смешанной повинности было 20,7% крестьян⁷. Размер крестьянских

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 134, оп. 10, д. 68, л. 1, об.

² Там же, ф. 161, оп. 1, д. 6, л. 139.

³ Десятина — 1,0925 га.

⁴ ГАКО, ф. 161, оп. 1, д. 6, л. 425.

⁵ Там же, л. 426.

⁶ Там же, ф. 122, оп. 1, д. 704.

⁷ Там же, д. 2290, л. 54.

повинностей каждый помещик в своем имении устанавливал произвольно.

В оброчных имениях, в имениях с развитым отходом и промыслами оброк составлял от 30 до 100 и более руб. серебром «с тягла» в год. Определяя сумму оброка, помещики исходили не из количества земли, находившейся в пользовании крестьян, а из предполагаемых неземледельческих заработков и доходов. При смешанной форме повинностей барщина сочеталась с натуральным и денежным obroком. Приведем несколько примеров о тяжести повинностей. В имении помещицы Львовой деревни Копытово Буйского уезда «задельных 8 тягол постоянно по 3 дня в неделю ходят в усадьбу на господские работы и сверх этого платят еще хозяйственными запасами 1 барана, 1 фунт¹ шерсти, сукна серого крестьянского 2 аршина², грибов сухих — 1 фунт, крестьянской новины — 20 арш. с каждого тягла. Смешанные тягла платят оброка 23 руб. серебром, сверх этого летом во время жнитва женщина должна стоять на господской работе 5 дней и хозяйственные запасы платят те же, что и задельные»³.

Задельные крестьяне дер. Трофимово и Носково Буйского уезда на своего помещика Мошкова работали в течение лета по три дня в неделю конные или пешие, а зимой вывозили по 11 сажень⁴ дров, по 50 бревен из леса расстоянием от 1 до 3 верст⁵, подвозили сено. Крестьянки из господского льна ткали по 20 аршин простой новины. Смешанное тягло платило 14 руб. 28 коп. серебром в год, а также отбывало рабочих дней: конных — 9, пеших мужских — 6, женских — 15; зимой тягло вывозило от 10 до 15 бревен. Крестьянки ткали из своего льна по 5 аршин простой новины и из господского льна по 2 галки аршинной меры; во время урожая они приносили по фунту ягод и грибов. Чисто оброчные мастерские платили по 30 руб. серебром в год⁶.

В имении кинешемского помещика Бакунина тягло платило ежегодно 20 руб. серебром оброка, отбывало 20 пеших и конных дней и обложено было повинностями в натуре: по одной курице и одному ягненку с крестьянского двора, грибов, ягод и трав по урожаю⁷.

Средняя норма барщины на тягло обычно составляла 3 дня в неделю как для мужчин, так и для женщин. Но встречалась четырех-, пяти- и даже шестидневная барщина. Некоторые помещики

¹ Фунт — 409 г.

² Аршин — примерно 72 см.

³ ГАКО. ф. 161, оп. 1, д. 162, л. 170.

⁴ Сажень — 2,1 м.

⁵ Верста — 1,0668 км.

⁶ ГАКО. ф. 161, оп. 1, д. 162, л. 546, 547.

⁷ Там же, д. 169, л. 5.

переводили крестьян на месячину. Например, из жалобы крестьян помещика Нелидова Буйского уезда (1824 г.) узнаем, что «притеснения крестьяне чувствуют от того, что он (Нелидов) держит в каждой неделе на господском изделье 6 дней, а в одно только воскресенье позволяет заниматься собственной работою, отчего крестьяне и претерпевают большое отягощение»¹. Помещик Перелешин также заставлял крестьян дер. Махлачева Галичского уезда работать по 6 дней в неделе, а крестьянина Андрея Антонова с семьей перевел на месячину — дал на всех два четверика ржи, столько же ячменя, а одежду и обувь от помещика крестьяне не получили. Затем помещик перевел Антонова из крестьян в дворовые и из дома его хлеб, скот, имущество забрал себе (1826 г.)².

За неплатеж оброка крестьян подвергали телесным наказаниям, сдавали в рекруты, переводили недоимщиков на барщину, отбирали у них скот и имущество в погашение недоимки.

Помещик Перелешин в 1826 г. у крестьянина дер. Махлачева Галичской округи Ивана Фролова за неплатеж оброка (65 руб.) забрал лошадь, корову, две овцы, с сына Кузьмы в счет отцовского оброка взял 15 руб. Самого Ивана Фролова помещик перевел на барщину, на заделье посылал по 3 дня в неделю, а иногда и всю неделю без всякого зачета³.

За недоимки крестьян нерехтской помещицы Моисеевой содержали в рогатках и колодках, отдавали в бурлаки, у них отбирали посеянный хлеб (1827 г.)⁴.

Положение крепостных крестьян и дворовых людей еще более осложнилось полным их бесправием, что подтверждают архивные документы. Помещики продавали и покупали крестьян, изнуряли их непосильной работой, морили голодом, секли нагайками, розгами, заковывали в кандалы, сдавали в солдаты, ссылали в Сибирь на поселение и т. д.

Крестьяне дер. Махлачева Галичского уезда в 1826 г. жаловались на жестокое обращение с ними помещика Н. М. Перелешина. 16 человек при дознании показали уездному предводителю дворянства, что помещик своих крестьян бьет, сечет и разоряет⁵.

Из жалобы дворовых людей кинешемского помещика Шербачева узнаем, что помещик всех дворовых людей «не поит, не кормит, а пиши один хлеб и тот часто сырой, а варева — одна пустая кашница во всякое время. На работе мучит бесчеловечно... на сенокос каждый день посылает голодных. Бьет, страшает и головы

¹ ГАКО, ф. 122, оп. 1, д. 730.

² Там же, ф. 133, оп. 2, д. 4111.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 5396.

⁵ ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 4111.

бреет. Сделал нас музыкантами, после работы заставляет нас каждый вечер играть, привел нас в чахотку, и мы харкаем кровью». (1827 г.)¹.

Некоторые помещики так жестоко обращались со своими крепостными крестьянами, что правительство вынуждено было взять их имения в опеку. Так, взято было в опеку имение буйского помещика Нелидова за издевательство над крепостными и дворовыми людьми. Нелидов бил кучера по голове и лицу, затем привязал его к повозке веревкою и оставил на всю ночь без рукавиц и без шапки в зимнее время за то, что лошади при езде вспотели. У дворового Макарова он выстриг около лба волосы догола, сек его арапником и замял в кусты лошадью за то, что тихо на поле говорил. Дворовую женку, имевшую от роду более 60 лет, помещик Нелидов без всякой причины «сковал в железа», в которых она находилась с неделю².

Особой жестокостью отличались действия чухломских помещиков Ласкиных: крестьянин Акинфиев от побоев умер, дворовая женка Ларионова похоронена со следами жестоких побоев; у трех крестьянских девочек на голове были вырваны волосы, на теле — струпья от сечения. По постановлению Сената имение помещиков Ласкиных было взято в опеку, а сами помещики были сосланы в Тобольскую губернию под надзор местной полиции, без права иметь впредь крепостных и дворовых людей (1824 г.)³.

В первой половине XIX в. было много выступлений крестьян против помещиков. Движение крепостных принимало самые разнообразные формы. Одной из разновидностей классовой борьбы было бегство крестьян из помещичьих имений.

Например, крестьяне с. Агарково с деревнями Страхово, Сидоркино, Новодашково, Андропово (218 ревизских душ) Костромского уезда помещицы Шулепниковой «в послушание не приходят., а тем самым всякая повинность казенная с великим трудом и не в свое время отправляется, рекруты в последний набор не отправлены. Кого б следовало отдать, те, оставя долга, разбежались. Укрываются в соседних деревнях, а особливо в Больших солях» (1813 г.)⁴. Нередко крестьяне созывали тайные сходы, выбирали из своей среды доверенных людей и отправляли их ходоками в Кострому к местным властям или в Петербург (чаще всего к царю).

За подачу жалоб помещики наказывали крестьян розгами, отбирали у них имущество, ссылали их в Сибирь. Крестьянина дер. Полубесово Кологривского уезда Петра Никифорова за трехкрат-

¹ ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 5366, л. 153.

² ГАКО, ф. 122, оп. 1, д. 730, лл. 31—43.

³ Там же, ф. 134, оп. 2, д. 685.

⁴ Там же, ф. 133, оп. 11, л. 5004, ж. 1.

ную подачу жалобы императору на помещицу Грибоедову за непосильные налоги публично наказали плетью, 35 ударами, и сослали навечно в Нерчинск на поселение (1818 г.)¹.

За подачу жалобы на помещика Чернецова (усадебя Чирково Кинешемского уезда) часть крестьян наказали розгами, часть сослали на поселение. У него же находилось в бегах 9 человек (1825 г.)².

Крестьянина нерехтской помещицы Моисеевой Григория Иванова за то, что «по доверию от вотчины с прочими крестьянами отыскивал свободы», содержали в тюрьме 7 мес., в смиренном доме — 2 мес.; в доме своем долгое время он находился в колодке, затем был отправлен в Сибирь на поселение (1827 г.)³.

Наиболее часто крестьяне отказывались от выполнения барщинных и оброчных повинностей. Они требовали смены бурмистра и вотчинной администрации, а порой отказывались выполнять распоряжения бурмистров, самовольно смещали их и выбирали других из своей среды по своему желанию.

Обращаясь за содействием к губернатору, кологривский помещик Варенцов писал: «9 марта прибыл бурмистр с земским и объявили, что крестьяне их сменили, выгнали из вотчинной конторы, выбрали нового бурмистра и земского, взяли все конторские бумаги, а также вотчинную печать»⁴.

Все чаще после смерти владельца крепостные возбуждали ходатайство о передаче их в казенное ведомство и отказывались подчиняться новым помещикам.

Крестьяне (780 душ) села Троицкого с деревнями Кологривского уезда помещицы Грибоедовой отказались платить оброк, оказали сопротивление отряженной к ним в вотчину воинской команде, вооружившись ружьями, кольями, они избрали себе в бурмистры крестьянина дер. Рылеева Макара Павлова, в старосты — крестьянина дер. Карпинова Ефрема Полуектова, в земские — крестьянина Егора Кононова. «По избрании их на мирском сходе положились, чтоб о платеже оброка не подписываться, помещице не повиноваться» и с общего согласия послали выборных в Петербург, чтоб подать государю прошение, чтоб взяли их в удельное или казенное ведомство». Крестьяне написали письмо начальнику воинской команды и послали его с двумя крестьянами, которые были арестованы и отправлены в Кологрив, куда бурмистром Павловым были посланы крестьяне, чтобы отбить их. Крестьяне при помощи воинского орудия были разогнаны, 14 человек были взяты под стра-

¹ ГАКО, ф. 117, оп. 5, д. 4, л. 13.

² Там же, ф. 133, оп. 2, д. 4118.

³ Там же, д. 5396.

⁴ Там же, оп. 26, д. 15480.

жу. 5 главных зачинщиков были сосланы в каторжные работы, земский Егор Кононов отдан в солдаты, остальным крестьянам, взятым под стражу, вменили тюремное содержание на 3 года с возвращением их затем в вотчину (1819 г.)¹.

В Костромской губернии происходили и более острые столкновения. Когда в имение варнавинского помещика Мещанинова явилась воинская команда для усмирения, крестьяне оказали ей сопротивление, «бросились с кольями, шестами, железными кистенями и начали палить из ружей». 9 солдат оказалось раненых, 2 крестьянина убито. Зачинщики волнений были сосланы в Сибирь на поселение².

По предварительному сговору крестьяне самовольно рубили лес, выкашивали луга, захватывали помещичью землю, поджигали леса и имения, иногда избивали и убивали помещиков и управляющих.

Так, в 1810 г. были убиты чухломские помещики Горталовы³; крестьяне дер. Дресвица Чухломского уезда задушили помещицу Верховскую за «отягощение их в работах на господском издолье» (1839 г.)⁴ выстрелом из охотничьего ружья был убит в своем имении сельце Сквозниках Варнавинского уезда помещик Захарьин (1841 г.)⁵.

Ненависть крестьян к помещикам проявлялась и в поджоге помещичьих имений. В 1811 г. был совершен умышленный поджог усадьбы кинешемского помещика Раткова дворовым человеком⁶. Крестьяне нерехтского помещика фон Радена (63 ревизские души — 27 тягол) два раза сжигали дом помещика со всем имуществом, пытались его отравить⁷.

В архиве имеется очень много документов за разные годы о самовольной порубке помещичьего леса крестьянами. Так, крестьяне солигаличского помещика Щербачева два года не платили оброка, самовольно рубили лес, некоторые находились в бегах. В имение прибыла воинская команда, и 5 человек были наказаны розгами⁸.

Из жалобы помещика Храповицкого: «Крестьяне вторглись в мои лесные дачи и истребили оные наполовину. Дерзость их приняла такие размеры, что дер. Писцово разделила самовольно пущ-

¹ ГАКО, ф. 177, оп. 5, д. 5.

² ГАКО, ф. 179, оп. 1, д. 1051.

³ Там же, ф. 117, оп. 4, д. 15.

⁴ Там же, д. 139.

⁵ Там же, д. 162.

⁶ Там же, ф. 133, оп. 1, д. 4323.

⁷ Там же, оп. 2, д. 8887.

⁸ Там же, д. 3103.

тошь Гусиху и лучшие деревья повалила» (1849 г., Кинешемский уезд)¹.

Многочисленные архивные документы со всей убедительностью показывают, что положение помещичьих крестьян и дворовых людей в Костромской губернии в первой половине XIX века было очень тяжелым. В обстановке кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства и развития товарно-денежных отношений помещики встали на путь усиления феодальной эксплуатации. Борьба крестьян против помещиков была социальным выражением кризиса крепостнического строя.

А. Шипилов

**КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ
КОМИССИЯ [1885—1917 гг.]**

Во второй половине XIX в. в широких кругах историков-профессионалов России уже вполне определилось мнение, что без областной истории не может быть создана история государства. Проблемы, стоявшие перед русской исторической наукой, требовали привлечения документов местного происхождения, ближе отражавших повседневную жизнь страны. Однако разбросанные по России архивы местных учреждений, количество которых известный архивист Д. Я. Самоквасов определил приблизительно в 30 тыс.², испытывали всевозможные превратности судьбы. Они находились в руках провинциальных чиновников, в подавляющем большинстве лишенных всякого понимания исторической ценности документов, считавших наиболее подходящими местами для хранения письменных памятникoв чердаки и подвалы зданий, старые флигели и другие непригодные помещения.

Постепенное разрушение местных архивов и требования прогрессивных представителей буржуазно-дворянской историографии вынудили царское правительство 13 апреля 1884 г. утвердить проект «Положения о губернских ученых архивных комиссиях и исторических архивах при них», составленный директором Археологического института, видным историком и археографом П. В. Калачовым.

Первоначально губернские ученые архивные комиссии (далее ГУАК) были открыты в 1884 г. в Тамбовской, Тверской, Рязанской и Орловской губерниях.

В циркуляре министра внутренних дел российским губернаторам от 6 мая 1884 г. задачи ГУАК были сформулированы следую-

¹ ГАКО. ф. 133. оп. 26, д. 15568.

² Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России, кн. 1, М., 1902, с. 117.

щим образом: «1) для сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении, утверждаются в губерниях местные исторические архивы; 2) соби­рание и приведение в порядок означенных архивных дел возлагаются на учреждаемую для сего в губернии ученую архивную комиссию; 3) ученые архивные комиссии составляются по взаимному соглашению директора Археологического института с местным губернатором. Губернатор есть непререкаемый поличитель таковой комиссии; 4) на обязанности ученой комиссии лежит: а) разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению, для выделения из них тех столбцов и бумаг, которые по представляемому ими интересу в научном отношении, подлежат передаче для хранения в исторический архив; б) составление таковым документам и делам надлежащих описей и указателей; в) расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для ученых занятий; 5) расходы, необходимые на содержание и занятия ученых губернских архивных комиссий, покрываются из средств, имеющихся в распоряжении директора Археологического института и из местных пожертвований на пользу науки»¹.

Первое заседание Костромской ГУАК состоялось 6 июля 1885 г. Присутствовавший на нем директор Археологического института Н. В. Калачов указал собравшимся, что «изучение своего прошлого имеет важное значение всюду, где бы оно ни проявлялось... в здешней губернии, Костромской, оно имеет еще большее и...твердое основание. Здесь в Костроме, — продолжал он, — мы желаем ныне соединить стремления деятелей разных сословий в одно общее дело, направить их труды к единой общей задаче — привести в известность и сохранность документы, которые... подлежат уничтожению в разных здешних архивах... и с помощью их начертать те данные, которые до сих пор оставались в неизвестности или дошли до нас как дорогие, но смутные предания. Если будем медлить еще далее, не заботясь о сохранности этих памятников старины, то ничто уже не спасет их и потомство будет справедливо упрекать нас за нашу небрежность»².

На заседании был прочитан реферат И. В. Миловидова, преподавателя истории костромского реального училища, о задачах комиссии, которые были сформулированы следующим образом: «1) разбор архивов местных присутственных учреждений; 2) раз-

¹ Центральный государственный исторический архив СССР (далее ЦГИА СССР), ф. 746, оп. 1, л. 108, л. 56а.

² Государственный архив Костромской области (далее ГАКО), ф. 179, оп. 2, л. 27, л. 208.

бор монастырских архивов; 3) исследования исторических памятников, находящихся в частных руках; 4) исследования городов и курганов; 5) образование при комиссии музеев «донисторических» древностей; 6) привлечение к работе комиссии, в первую очередь, преподавателей учебных заведений губернии и вообще любителей старины»¹.

Председателем комиссии был избран Д. Н. Трандафилов, товарищ председателя окружного суда, правителем дел — В. Г. Пиров, секретарь губернского статкомитета.

Первые 6 лет, 1885—1890 гг., костромская ГУАК влячила жалкое существование. Комиссия состояла всего лишь из 12 членов, не имела председателя (Д. Н. Трандафилов вскоре после избрания председателем покинул Кострому), своего постоянного помещения, ощущала острый недостаток денежных средств. Тем не менее члены ее подготовили к печати в этот период и издали целый ряд трудов исторического характера². В основном это были описания рукописей, хранящихся в архивах Ипатьевского и Макарьево-Унженского монастырей. Кроме того, члены комиссии участвовали в отборе архивных дел на хранение и к уничтожению в канцелярии губернатора, окружном суде, губернском правлении и других учреждениях. В 1890 г. выходит из печати 1-й выпуск периодического издания ГУАК — «Костромская старина». Сборник открывался описанием исторических памятников зодчества (в основном церковного), письменных и вещественных памятников, находящихся в гг. Лухе, Солигаличе, Плесе, Чухломе, посадах Большие Соли и Парфеньево, различных селах Костромского, Галичского, Нерехтского и других уездов губернии. Далее следовали описания исторических рукописей XVI—XVIII вв., хранящиеся в архивах Макарьево-Унженского монастыря и губернского правления, сделанных Н. К. Херсонским и Н. В. Миловидовым. Заслуживает внимания помещенное в сборнике Н. В. Миловидовым источниковедческое исследование одного уголовного дела середины XIX в. из архива окружного суда, данные из которого послужили, по мнению автора, сюжетом для драмы «Горькая судьбина» известного русского писателя А. Ф. Писемского³.

Более планомерная и результативная работа костромской ГУАК началась с 1891 г., после избрания председателем ее Н. Н. Селифонтова. Комиссия получила постоянное помещение в доме

¹ ГАКО. ф. 179, оп. 2, л. 27, л. 208.

² Миловидов Н. В. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Вып. 1—2. Кострома, 1887—1888; Его же. Материалы для истории Костромы. вып. 1. Кострома, 1887; Н. К. Херсонский. Летопись Макарьево-Унженского монастыря Костромской епархии. Вып. 1, 1939—1682 гг. Кострома, 1888; Его же. Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макарьево-Унженского монастыря Костромской губернии. Кострома, 1887 и др.

³ Костромская старина. Вып. 1, изд. ГУАК, Кострома, 1890.

дворянского собрания, губернское земство назначило ей ежегодную субсидию в 500 руб.¹. Для редактирования предполагаемых к изданию трудов, заключений по просмотренным архивным делам учреждений был создан особый совещательный орган — совет комиссии в составе председателя ГУАК и 6 членов².

На одном из первых заседаний совета решено было организовать при ГУАК архив и музей³. К 1892 г. число рукописей в архиве достигло уже более 4000 экз. В частности, были получены рукописи XVII—XVIII вв.: от А. И. Шишелова, владельца села Лосева — 440; от А. А. Калачевой — 282; из архива помещиков Ермоловых — 1000; от помещика Ерлыкова — 1183; от Д. П. Дементьева, ветлужского крестьянина-краеведа — 283; от члена ГУАК И. Д. Преображенского — 535 рукописей и т. д.⁴. Число членов комиссии увеличилось в 1892 г. до 72 человек.

К 1895 г. костромская ГУАК достигла уже значительных результатов, как в области архивной, так и в области издательской деятельности. С 1891 по 1895 гг. состоялось 10 общих собраний, совет собирался 15 раз. Членами ГУАК П. М. Бекаревичем и И. Д. Преображенским было исследовано более 400 курганных могил (в Пушкинской, Ильинской, Каримовской, Кузнецовской, Чернозаводской, Мисковской и других волостях Костромского уезда). Значительно пополнились архив, музей и библиотека ГУАК. В архиве числилось до 7 тысяч рукописей XVI—XIX вв., до 800 томов книг; музей располагал 400 предметами старины; здесь имелась нумизматическая коллекция в 2000 монет⁵.

Бюджет комиссии составил в 1895 г. 2409 руб., количество действительных членов увеличилось до 117 человек⁶.

Особо следует остановиться на издательской деятельности ГУАК. Основное внимание в этот период комиссия уделяла изданию исторических источников и описей на них. Председатель ГУАК И. И. Селифонтов на собственные средства издал в Петербурге 3 подробные описи «Линевского архива» на 854 рукописи XVI—XIX вв.⁷. Документы, опубликованные в данных изданиях, —

¹ ГАКО, ф. 179, оп. 2, л. 27, л. 22.

² Там же, л. 26.

³ Там же, л. 19.

⁴ ГАКО, ф. 179, оп. 2, л. 27, л. 19.

⁵ Там же, л. 210.

⁶ Там же, л. 231.

⁷ Селифонтов И. И. Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и начала XIX стол. первого собрания «Линевского архива» с двумя приложениями. СПб., 1892; Его же. Подробная опись рукописям конца XVI до начала XIX столетий второго (Шевлягинского) собрания «Линевского архива» с приложениями. СПб., 1892; Его же. Подробная опись 142 рукописям XVII — до начала XIX столетий третьего (Лосевского) собрания Линевского архива. СПб., 1893.

жалованные грамоты, выписки из писцовых, переписных и межевых книг, купчие, заемные и кабальные записи и др. — являются ценным историческим источником помещичьего землевладения на территории Нерехтского у. дворянских родов Долгоруковых, Вяземских, Шенных, Шуваловых, Ухтомских и др. Представляет интерес система описания документов, принятая как в данных, так и в последующих описях костромской ГУАК. В письме комиссии 1888 г. в Археографическую комиссию Московского археологического общества принцип описания документов был сформулирован следующим образом: «копии должны быть настолько полны, подробны и систематичны, чтобы всякий исследователь мог извлекать из них нужные ему данные, не прибегая к подлинным делам или актам, кроме случаев сомнения для проверок»¹. Таким образом, описи, в разное время опубликованные костромской ГУАК, представляли собой не что иное, как публикации исторических источников. В русском архивоведении того времени не было еще установленных и общепризнанных форм описания документов, невелик был и практический опыт публикации описей центральными архивами. Поэтому весьма любопытным представляется тот факт, что в 1893 г. Археологический институт рекомендовал всем комиссиям России, как пример, достойный подражания, описи Линевского архива, составленные Н. Н. Селифонтовым².

В это же время комиссия издает очередные два выпуска «Костромской старины» — второй и третий³. Выпуск второй почти целиком состоял из описания рукописей и рукописных книг из частных архивов Ермоловых, Ерлыковых, а также из архивов — Макарьево-Миженьского, Кинешемского, Вознесенского, Авраамиева-Городецкого монастырей. П. П. Коробици помещил в сборнике статью с исследованием уголовного дела, извлеченного из архива окружного суда, о самоубийстве костромской мещанки А. П. Кляковой, которая, по его мнению, послужила А. П. Островскому прообразом Катерины в драме «Гроза». Выпуск третий «Костромской старины», в отличие от двух предыдущих, был уже построен по определенной схеме: публикации в нем располагались по рубрикам («Исторические материалы», «Исследования», «Смесь»), а внутри рубрик — по отделениям. В сборнике нашли место жалованные и тарханские грамоты XVI—XVII вв., синодики XVII—XVIII вв., выписки из указов Петра I, описание рукописей частных архивов.

¹ ГАКО, ф. 179, оп. 2, л. 67, л. 9.

² Бржостовская П. В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884—1917 гг.). М., 1951, с. 338.

³ Костромская старина. Вып. 2. Изд. ГУАК, Кострома, 1892; Костромская старина. Вып. 3. Изд. ГУАК, Кострома, 1894.

К 1895 г. члены комиссии просмотрели по описям и подлинникам более 15 тыс. дел местных губернских и уездных учреждений¹. Значительно пополнился архив ГУАК: к 1901 г. число дел в нем превысило 30 тыс. Наиболее ценным поступлением следует считать архив бывшей Большесольской посадской избы и ратуши (более 5 тыс. дел), о котором на заседании комиссии 16 сентября 1897 г. сказано: «Приобретение это чрезвычайно важно в научном отношении; если бы за 12 лет своего существования ГУАК ничего существенного не сделала для истории края, то одно только спасение от гибели этого архива оправдало бы ее основание»².

Постоянно росло число действительных членов комиссии; в 1896 г. их было 121 человек, в 1897 г. — 135, в 1898 г. — 152, в 1899 г. — 185, в 1900 г. — 194, в 1901 г. — 224, в 1902 г. — 257, в 1903 г. — 257, в 1904 г. — 301.

ГУАК установила и поддерживала тесные контакты со многими научными учреждениями России: Археологическим институтом, Русским историческим обществом, Обществом истории и древностей российских при Московском университете, Русским географическим обществом, Обществом любителей древней письменности и многими другими.

12 декабря 1899 г. костромская комиссия получила воззвание от ярославской ГУАК с призывом к объединению научных сил. «Ближайшей целью местных историко-археологических учреждений, действующих в пределах б. Ростово-Суздальского (и Владимирского) княжества, — писали ярославцы, — должно стать собиращение и выяснение следов развития великорусской культуры и исследование деятельности сил, служивших делу ее образования. Выполнение такой задачи всегда затруднялось отсутствием единства в трудах по этому вопросу отдельных историко-археологических учреждений нашего края»³. Ярославская комиссия предлагала периодически организовывать в Костромской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Вологодской и Тверской губерниях областные историко-археологические съезды.

Костромская комиссия поддержала предложение соседей и приняла деятельное участие как в 1-м областном историко-археологическом съезде в Ярославле в 1901 г., так и в последующих — во 2-м съезде в г. Твери в 1903 г. и в 3-м съезде — в г. Владимире в 1906 г.

Члены костромской ГУАК участвовали также и в работе всероссийских археологических съездов: X съезда в Риге в 1896 г., XI съезда в Киеве в 1899 г., XII съезда в Харькове в 1902 г. и др.

¹ ГАКО. ф. 179, оп. 2, д. 27, л. 210.

² ГАКО. ф. 179, оп. 2, д. 27а, л. 321.

³ Там же. л. 56а, л. 434.

Не менее активно велась и издательская деятельность в этот период. Как и ранее, основное внимание уделялось публикации исторических источников частного происхождения, сконцентрированных в архиве ГУАК. Так, была опубликована опись 926 рукописей XVII—XIX вв. так называемого «Долматовского архива», переданного комиссии помещицей Е. М. Ермоловой¹. Н. Н. Селифонтов издал родословную костромских дворян Куломзинных, опись дел архива Большесольской посадской избы и ратуши, материалы по истории предков М. Ф. Романова². Вышли в свет два очередных выпуска «Костромской старины» — четвертый и пятый³. В разделе «Исторические материалы» 4-го выпуска членами ГУАК И. Д. Преображенским и Д. П. Дементьевым была опубликована часть наиболее интересных дел XVII—XVIII вв., отобранных в архив комиссии при просмотре дел местных губернских учреждений: выписки из писцовых книг, документы Преображенского и Сыских дел приказов, списки с грамот костромским воеводам, монастырям, списки с наказов костромского дворянства выборным депутатам в комиссию по составлению проекта нового Уложения. В разделе «Исследования» были помещены доклады И. В. Миловидова, Н. И. Коробицына и Д. П. Дементьева об исторических записях сержанта Саввы Пархомова (1735—1744 гг.) о военных действиях с Турцией и Швецией, о сооружении памятника Ивану Сусанину в г. Костроме; исторический очерк Шангского городища. В приложении к сборнику трудов были опубликованы рукописные сборники и синодики Богоявленского и Богородицкого Игрицкого монастырей. 4-й выпуск «Костромской старины» являлся наиболее значительным из всех предыдущих и последующих сборников по объему и разнообразию помещенных в него материалов.

5-й выпуск сборника содержал в себе описания рукописей XVII—XVIII вв. из церкви с. Коровнова Солигаличского у.; дел из архивов казенной палаты и палаты государственных имуществ; синодиков и рукописных сборников Железоборовского монастыря Буйского у. В сборнике были помещены также сведения о монастырях и церквях г. Костромы в XVII в., отчет об археологиче-

¹ Преображенский И. Д., Дибичский Н. А. Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX столетий «Долматовского архива» (Головинского и Куломзинского родов) с приложениями. СПб., 1895.

² Селифонтов Н. Н. Родословная костромских дворян Куломзинных. СПб., 1895. Его же. Описи документам архива бывших Большесольской посадской избы и ратуши, найденного в посаде Большие соли Костромского у. XVI—XVIII столетия. Издание посмертное. СПб., 1902; его же. Сборник материалов по истории предков царя М. Ф. Романова. Генеалогический и исторический материал по печатным источникам. СПб., 1901.

³ Костромская старина. Вып. 4. Изд. ГУАК. Кострома, 1897.
Костромская старина. Вып. 5. Изд. ГУАК. Кострома, 1901.

ском исследовании Богородского городища в Варнавинском у. и дневник раскопок курганов, произведенных членами ГУАК в 1895—1899 гг.

К 1902 г. число дел в архиве ГУАК достигло более 50 тыс.¹ Значительно пополнилась библиотека: 1700 книг поступило от Н. П. Грамотина, более 12000 — от Н. Н. Селифонтова по его завещанию. В 1903 г. Совет одобрил устав костромского историко-естественного музея, согласно которому он должен был стать «наглядным пособием к изучению Костромской губернии в ее прошлом и настоящем состоянии»². В музее были открыты два отделения: историко-археологическое и естественное. Членами ГУАК был издан ряд трудов по истории и этнографии края: материалы по истории Чухломы, описание отдельных монастырей и церквей губернии, исследование по археологии и др.³

В 1905 г. вышел 6-й выпуск «Костромской старины». Сборник состоял из 4-х отделов. В 1-м отделе были напечатаны распоряжения правительства, протоколы и журналы общих собраний, отчеты о деятельности ГУАК, известия и заметки. Во 2-м отделе были помещены очерк Н. Баженова о Костромском кремле и описание В. Соколова уникальной деревянной церкви в с. Спас-Вежи. 3-й отдел целиком состоял из описания П. А. Плиским 146 рукописей XVII—XIX вв. частного «Шаховского» архива. 4-й отдел был посвящен исследованиям по этнографии губернии⁴.

Первая русская революция 1905—1907 гг. в официальных отчетах комиссии характеризовалась как «...переходное состояние, переживаемое в настоящее время нашим отечеством», которое, «отражаясь на всех сторонах жизни русского народа, не могла не отразиться... и на деятельности архивной комиссии»⁵.

Наблюдается постепенный отсев членов из ГУАК: в 1907 г. их было 248 чел., в 1908 г. — 197, в 1909 г. — 176. Не способствовала активности в работе комиссии и чехарда с ее председателями: после смерти в 1900 г. Н. Н. Селифонтова председателем ГУАК был избран костромской губернатор Л. М. Князев, в 1906 г. — П. А. Плинский, в 1908 г. — вице-губернатор князь А. Н. Оболенский, в 1910 г. — губернатор П. П. Шиловский.

¹ Ленинградский государственный исторический архив, ф. 119, оп. 1, л. 91, л. 88.

² ГАКО, ф. 179, оп. 2, л. 276, л. 656.

³ Юдин Г. В. Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Юдиных (1613—1895). Тт. 1—2. Красноярск, 1902; Н. Баженов. Воскресенская, что на Дебре, церковь в г. Костроме. Археологический очерк. Кострома, 1902; его же. Макарьев-Решемский монастырь Костромской епархии. Кострома, 1904; его же. Костромской кремль. Историко-археологический очерк. Кострома, 1905; П. М. Бекаревич. О некоторых городищах в Костромской губернии. Кострома, 1902; его же. О каменном веке в Костромской губернии. М., 1902 и др.

⁴ Костромская старина. Вып. 6. Изд. ГУАК. Кострома, 1905.

⁵ ГАКО, ф. 179, оп. 2, л. 48, л. 64.

Наиболее значительными мероприятиями, осуществленными ГУАК после революции 1905—1907 гг., следует считать проведение в 1909 г. в г. Костроме IV областного историко-археологического съезда и завершение в 1913 г. постройки нового здания музея. Съезд проходил в Костроме с 21 по 29 июня 1909 г. Присутствовало на нем 243 чел., среди них известные русские историки М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Иловайский, Н. В. Покровский, А. И. Соболевский. На съезде работало 4 секции: первобытной археологии, церковных древностей, археографии и архивоведения, исторической географии и этнографии. В течение 9 дней состоялось 14 заседаний секций, на которых было заслушано более 25 рефератов.

Строительство здания музея (архитектор Н. И. Горлицын) обошлось комиссии более чем в 150 тыс. руб., из них около 103 тыс. было собрано по подписным листам. 2 января 1913 г. общее собрание членов ГУАК состоялось уже в новом здании.

По постановлению Совета Министров от 31 января 1912 г. ученые архивные комиссии перешли из ведения Археологического института в ведение образованной «для учреждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов» особой комиссии в составе Русского исторического общества (РИО)¹. С целью выяснить современное положение местных архивов РИО обратилось к архивным комиссиям России со специальной анкетой. Из ответов костромской ГУАК следовало, что архивы местных учреждений хранят, в основном, дела последних лет; редко встречаются дела 30—40-летней давности, еще реже—100-летней². Все это свидетельствовало о небрежности в условиях хранения архивных документов и отсутствии единых требований к их уничтожению и отбору на хранение.

С 1913 г. практически замирает сколько-нибудь активная деятельность костромской ГУАК: общие собрания не проводятся, собирается лишь изредка совет комиссии. Прекращается работа по изданию сборников «Костромская старина» (последний, 7-й, выпуск вышел в 1911 г.).

В 1912 г. образовалось Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК), более демократичное по своему составу, с более четкими и приближенными к жизни задачами. На специальном собрании членов ГУАК 13 октября 1917 г. было решено войти в состав КНОИМК в качестве секции³.

Создание ГУАК в России следует считать явлением прогрессивным, закономерным, вызванным определенным этапом развития русской исторической науки и национального исторического само-

¹ ЦГИА СССР, ф. 746, оп. 1, д. 108, л. 57.

² Там же, д. 113, л. 73.

³ ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 20, л. 44.

сознания. На протяжении более чем тридцати лет история местных костромских архивов так или иначе связана с деятельностью губернской ученой архивной комиссии, как единственного, по существу, учреждения, которому была поручена забота об упорядочении архивного дела в провинции. Несмотря на неблагоприятные условия, костромская ГУАК сумела все же развернуть большую и полезную работу по изучению прошлого своего края, его археологическому исследованию, устройству музея, историко-краеведческой библиотеки, выставок и т. п. Несмотря на то, что во многих исторических работах членов ГУАК преобладало описание над исследованием, недостаточный критический анализ публикуемых материалов, их издательская деятельность внесла известный вклад в русскую историческую науку многими ценными статьями и источниками по местной истории.

Мы не должны забывать трудов тех немногочисленных, скромных труженников науки и энтузиастов архивного дела, которые в тяжелых условиях царской России стремились приложить свои силы в области изучения прошлого родного края к спасению исторических памятников и распространению исторических знаний среди местного населения.

А. Белов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ ПО
ВОСПИТАНИЮ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КАДРОВ
В ПРОЦЕССЕ АГИТАЦИОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ
В 1905 г.**

Костромская партийная организация, входившая к началу революции 1905 г. в состав Северного комитета РСДРП, была идейно закаленным отрядом большевиков. После II съезда партии большую работу по разъяснению его решений здесь проводили делегаты съезда А. М. Стопани и А. В. Шотман¹.

Выдающуюся роль в укреплении рядов большевистской организации, в постановке агитационно-пропагандистской работы в ответственный период кануна и начала революции сыграл Я. М. Свердлов.

По приезду в Кострому в ноябре 1904 г. Я. М. Свердлов организовал специальные занятия с молодежью по вопросам революционной теории, программы партии, делился своим опытом в пропаганде, учил молодежь сочетать нелегальную деятельность с использованием легальных возможностей. Теоретические познания Я. М. Свердлов направлял на практическую деятельность слушателей, предложив молодым революционерам руководство социал-де-

¹ Шотман А. В. Как от искры возгорелось пламя. Записки старого большевика. М., 1934, с. 139—141.

мократическими кружками на фабриках. Он внимательно следил за ходом занятий в них, проверяя деятельность пропагандистов через фабричных организаторов¹.

На первых порах у пропагандистов встречались трудности в работе. По воспоминаниям М. А. Растопчиной, при изучении в рабочем кружке программы партии «мне было трудно излагать экономическую часть программы, так как я мало знала жизнь рабочих». Но общение с текстильщиками, обмен опытом на собраниях, заседаниях и конференциях большевиков помогал познавать секреты этой работы². В результате, по словам П. Н. Караваева, «к весне 1905 года мы уже уверенно вели занятия в кружках и выступали на небольших массовках»³. Получив сообщение о 9 января 1905 г. и начале революции, большевики Костромы стали массовыми тиражами издавать и распространять прокламации.⁴

Большевистская газета «Вперед» сообщала, что с середины декабря 1904 г. по февраль 1905 г. Костромская группа Северного комитета РСДРП издала следующие прокламации: «14 декабря» — 700 экз., перепечатку листовки ЦК «Новая мобилизация» — 600 экз., «К земцам» — 150 экз.; значительная часть прокламаций с описанием событий 9 января в Петербурге и призывами к действиям — «О питерских событиях» — 400 экз.; «О питерских событиях» — прокламация Северного комитета — 1500 экз.; прокламация Северного комитета с призывом к забастовке — 900 экз., пять прокламаций во время февральской забастовки в Костроме⁴.

Организатором печатания и распространения прокламаций, проведения летучек и массовок был Я. М. Свердлов. В то же время он «вербовал агитаторов и пропагандистов из партийной интеллигенции и студенчества, воспитывал умелых и стойких организаторов из сознательных рабочих, входивших в кружки, налаживал распространение партийной литературы, организовывал работу подпольной типографии». Я. М. Свердлов учил революционеров «как рассказывать о событиях 9 января рабочим костромских фабрик»⁵.

Большевики уделяли большое внимание теоретической и политической подготовке кадров революционеров в социал-демократических кружках. Действовали кружки двух типов — высшего и низшего. В них изучались вопросы теории, тактики и организации практической работы по руководству революционной борьбой. В корреспонденции из Костромы в июне 1905 г. в центральном большевистском органе газете «Пролетарий» сообщалось, что «работа с

¹ Караваев П. Н. В дооктябрьские годы. Изд. 2. М., 1953, с. 23—28.

² Партархив Костромского обкома КПСС, ф. 383, оп. 1, д. 56, л. 7—7 об.

³ Караваев П. Н. Указ. соч., с. 25.

⁴ Вперед, 1905, 29 (16) марта.

⁵ Караваев П. Н. Указ. соч., с. 30.

каждым днем поправляется». Число пропагандистских кружков за последние 2—3 месяца возросло с трех до двенадцати. В каждом кружке в среднем занималось от 8 до 25 человек. В одном из них на занятия явилось 59 рабочих¹.

Посетивший осенью 1905 г. наряду с другими комитетами и Костромской комитет ответственный пропагандист ЦК отмечал наличие в комитетах групп пропагандистов, указывал на организацию систематической учебы, а также на трудности в связи с отсутствием единых программ для занятий и недостаток литературы на местах².

Школой политического воспитания костромских рабочих и подготовки кадров руководителей революционным движением явилась всеобщая июльская забастовка. Многотысячные собрания стачечников на р. Костроме и массовки за городом, выпуск революционных изданий, деятельность второго в России Совета рабочих депутатов, отряды рабочей милиции и другие органы Совета — все это являлось показателем деятельности большевиков по воспитанию руководителей революционной борьбой.

Оценивая значение всеобщей костромской стачки, газета «Пролетарий» писала: «Всеобщая стачка всколыхнула всю рабочую массу; открытая широкая агитация перевернула традиционное мировоззрение «фабришных» и сделала из них пролетариев. А такие демократически-руководящие или боевые организации, как «депутатское собрание» или «рабочая милиция» выделили много новых активных элементов³.

Опираясь на большой опыт предыдущей борьбы, руководящие большевистские кадры Костромы смело решали вопросы организации массовой политической борьбы: митингов, собраний, демонстраций, по созданию Совета рабочих депутатов второго созыва в ноябре 1905 г., по изданию «Известий рабочих депутатов Костромы», массовых политических прокламаций, по созданию отрядов боевой дружины, по активной подготовке вооруженного восстания⁴.

Среди важнейших вопросов момента была агитационно-пропагандистская и политическая работа в войсках. В 1905 г. гарнизон Костромы состоял из двух пехотных полков, резервного батальона, сотни донских казаков, конвойной команды. По заданию Костромского комитета Н. Ф. Иорданскому удалось создать ядро военной организации. Наиболее активными ее членами были солдаты Баты-

¹ Пролетарий, 1905, 3 июля (20 июня).

² Пролетарий, 1905, 17 (4) октября.

³ Пролетарий, 1905, 27 сентября (10 октября).

⁴ Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии. Сб. док. Кострома, 1955, с. 129—202.

рев, Борисов, Торгашев, Штиллер и другие¹. С помощью военной организации в каждой воинской части создавалась группа из наиболее сознательных солдат, распространявшая среди военнослужащих политическую литературу и вовлекавшая в организацию новых членов. Основной ячейкой военной организации был кружок из 8—10 солдат во главе со своим организатором. Кружки действовали во всех частях, даже у казаков удалось создать один кружок. В кружках, по словам Н. Ф. Иорданского, не имелось строго определенной программы занятий, а «обычно велась беседа по текущему моменту и зачитывалась политическая нелегальная литература»². «Текущий момент» давал массу примеров героической борьбы пролетариата и способствовал воспитанию солдат в политическом духе.

В солдатский актив, на который опирались костромские большевики, входило до 150 человек, которые, как отмечал Н. Ф. Иорданский, являлись «могучим орудием в деле агитации и пропаганды среди остальной массы солдат»³.

О действенности работы в войсках костромского гарнизона свидетельствует тот факт, что губернатор не смог направить солдат на подавление общей польской стачки, а вызвал казаков, так как, по словам корреспонденции в газете «Пролетарий», «солдаты были ненадежны», и «прислали письмо, что не будут стрелять» в рабочих⁴.

О том, что власти не могли рассчитывать на костромской гарнизон в бурные декабрьские дни 1905 года, свидетельствовали паннические телеграммы костромского губернатора в Петербург, требовавшего присылки войск из других мест страны⁵.

В результате агитационно-пропагандистской деятельности костромских большевиков в 1905 г. были подготовлены значительные по численности, идейно закаленные кадры революционеров. Школу политического воспитания и революционной закалки прошли в 1905 г. представители революционной молодежи П. Н. Караваев, М. А. Растопчина, П. Н. Соколов, передовые представители рабочих С. В. Малышев, А. А. Симановский, К. И. Барабанов, В. А. Косувляков, П. А. Набегин и многие другие.

На кадры, прошедшие теоретическую подготовку и школу революционной борьбы в годы первой народной революции, выпала задача по организации рабочих, крестьян, солдат Костромы на штурм власти самодержавия и буржуазии в 1917 г., на утверждение народовластия после победы Великого Октября.

¹ 1905 год в Костроме. Сб. статей. Кострома, 1926, с. 96.

² 1905 год в Костроме, с. 97.

³ Там же.

⁴ Пролетарий, 1905. II (24) октября.

⁵ 1905 год в Костроме, с. 109.

III. НАШИ СЛАВНЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Е. Кудряшов

ГОСТИНЫЙ ДВОР В КОСТРОМЕ. К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ КОСТРОМСКОГО ЗОДЧЕГО XVIII ВЕКА С. А. ВОРОТИЛОВА

Среди костромских зодчих XVII—XVIII вв., много строивших не только у себя на родине, но и в других местах России, особое место принадлежит Степану Андреевичу Воротилову (1741—1792) — едва ли не последнему из местных каменного дела мастеров и подрядчиков. С именем этого «преславного художника», как его называли еще при жизни, связаны крупные достижения в области градостроительного искусства в Костроме в последней четверти XVIII века и ряд высокохудожественных памятников архитектуры, определяющих в настоящее время индивидуальный облик многих сел и городов Костромской области.

Последней и, быть может, самой значительной работой этого самобытного зодчего был Гостиный двор в Костроме. Однако вплоть до настоящего времени этот памятник архитектуры является предметом весьма произвольных и субъективных оценок и суждений, прочно укоренившихся, к сожалению, в научно-популярной литературе о городе и его архитектурных достопримечательностях. Так, не подкрепленной архивными документами и ошибочной является, например, датировка этого торгового здания. Г. К. Лукомский условно датировал его последней четвертью XVIII века, Ф. Ф. Рязановский считал его построенным «несколько позже» 1804 года, В. Н. Иванов и К. Г. Торон относили его постройку к 1789—1800 годам, а Н. А. Коротков прямо пишет о том, что «точной даты начала работ нет»¹. Ошибочно датирует Гостиный двор в Костроме и Г. К. Вагнер².

¹ Лукомский Г. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы. — Старые годы, 1913 г., январь, с. 29; Рязановский Ф. Памятники искусства и старинны Кострома. — В кн.: «Прошлое и настоящее Костромского края». Кострома, 1926, с. 130; Иванов В. Н. и Фехнер М. В. Кострома, М., 1955, с. 66; Иванов В. Кострома, М., 1970, с. 113—114; Бочков В. Н. и Торон К. Г. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970, с. 25; Коротков Н. А. Архитектурный ансамбль центра города Костромы. — Ученые записки КГПИ им. Н. А. Некрасова, вып. 21. Кострома, 1972, с. 148; Торон К. Кострома. Памятники архитектуры. Альбом. М., 1974, с. 8; Иванов В. Кострома, М., 2-е изд., 1978, с. 148—149.

² Вагнер Г. К. пишет, что Красные ряды в Костроме «построены в 1789—1793 гг.» Вагнер Г. К. Старые русские города. Справочник-путеводитель. М., 1980, с. 364.

Неверным является и суждение о том, будто в XVIII—XIX вв. Гостиный двор назывался также «Красными рядами»; в «Красные ряды» он был переименован лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако обратимся к конкретным архивным документам, данные которых позволяют с достаточной ясностью представить весь ход строительных работ по Гостиному двору.

Решение о строительстве в Костроме каменного Гостиного двора, — ибо «теперешнему Гостиному двору, как оной ныне есть, никак оставаться неможно по ветхости оного, по тесноте и неудобному расположению», — было принято по указу Костромского наместнического правления на заседании городского магистрата 24 сентября 1787 года. В решении говорилось, что «...по плану и фасаду Гостиного двора, доставленному в здешней магистрат, надлежит сделать смету, во что оной вообще и каждая лавка особо обойдется...»¹. Было намечено строить в Гостином дворе следующие торговые линии лавок: 1) суровскую; 2) овощную; 3) кожевную, сапожную, рукавичную и пушную линию и 4) холщовую, крашенную, мыльную и пряничную линию.

После того как была определена приблизительно стоимость отдельной каменной лавки (около 600 рублей), по предложению купцов В. Ашастина и А. Дурыгина «с товарищи», были приняты следующие размеры каждой из лавок: «... на лице галерей со столбами в пять аршин, переднюю лавку, кроме стен, в шесть аршин, заднюю ж, кроме стен, в три аршина и внутреннюю галерею со столбами ж в три аршина. А всего со столбами на девятнадцати аршинах с половиною, с тем только, чтоб все сие строение неотменно производить точным наблюдением предписанного фасада»². В срок до марта месяца 1788 года костромским купцам, пожелавшим «строиться», нужно было определиться в общем числе лавок, в покупке или продаже их, в сносе прежних деревянных лавок и т. д.³

Проектные чертежи Гостиного двора (план и фасад), доставленные в сентябре 1787 года в Костромской городской магистрат, бы-

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 497, оп. 2, д. 8, л. 3.

² ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 8, лл. 3 об. — 4. Здесь речь идет о «глубине» торговой ячейки рядов, которую предполагалось несколько увеличить по сравнению с проектным решением.

³ Там же, л. 1. Укажем здесь, что данные этого архивного документа были неверно изложены В. Н. Ивановым и М. Ф. Фехнер в их архитектурных путеводителях по Костроме. См.: *Иванов В. Н. и Фехнер М. В. Указ. соч.*, с. 62, 66; *Иванов В. Н. Кострома*, М., 2-е изд., 1978, с. 146.

ли подписаны Карлом фон Клером, исполнявшим в то время обязанности главного архитектора Владимирского и Костромского наместничеств. Нет сомнений в том, что эти чертежи были выполнены на основе так называемого «образцового» проекта торговых рядов, бывшего в то время в широком употреблении. Несомненно и то, что Гостиный двор стал первым общественным сооружением Костромы, построенным в соответствии с регулярным планом, утвержденным в 1784 году.

Мы не знаем, в каком году был заключен подряд на строительство каменного Гостиного двора, но известно, что этот подряд был заключен с С. А. Воротиловым, начавшим строительные работы в 1791 году. В руководстве строительством вместе с ним приняли участие и его братья Иван и Петр, его сын Ефрем, опытные большевельские каменщики Кирилан Трубинов и Андрей Шумилов. Выполняли строительные работы около 30 «искусно знающих мастеровых»¹. Строительство было начато строго «по плану и фасаду» проектных чертежей², но все-таки «с прибавлением на аршин ширины оных» лавок³. Лишь в дальнейшем, когда были построены и отделаны многие лавки, С. А. Воротилов пошел на существенное отступление от первоначального проекта.

Обращенный к Волге юго-западный проезд Гостиного двора С. А. Воротилов решил выделить не пилястрами, как это было им сделано «по проекту» у трех остальных проездов, а четырехколонным портиком с фронтоном. Более того: чтобы новый торговый центр был виден и в общей панораме Костромы с реки Волги, и из отдаленных мест города, над тем же юго-западным проездом Гостиного двора предлагалось выстроить «башню», которая служила бы колокольной для церкви Спаса в Рядах, причем местные купцы дали свое согласие на оплату этих строительных работ⁴.

Летом 1792 года С. А. Воротилов приступил к строительству юго-западных ворот Гостиного двора с портиком перед ними и с «башней» над проездом⁵. После смерти зодчего, последовавшей 14 (27) ноября 1792 года, строительство ворот «с четырьмя колоннами, фронтоном и башней» продолжили каменных дел подрядчики Петр Анд-

¹ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 8, лл. 121, об.—122.

² «...подрядчиком Воротиловым строились они (торговые ряды — Е. К.) по плану и фасаду... апробованному... не отступая нимало...» (ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 8, л. 120).

³ Там же, л. 121 об.

⁴ Там же, л. 88.

⁵ «...строители... усольские купцы Воротиловы... те ворота того 792 года летним временем строением начали...» (ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 8, л. 117 об.). См. также: ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 8, л. 130 об.

ресвич и Ефрем Степанович Воротиловы¹. Они к осени 1793 года завершили колокольню над проездом ворот².

Итак, существующее мнение о том, что портик перед юго-западными воротами Гостиного двора и колокольня над проездом этих ворот выстроены в 1809 году местным механиком А. Красильниковым, является неправильным. Архивные документы неопровержимо свидетельствуют о том, что автором этих построек был зодчий С. А. Воротилов, а возведены они были в 1792—1793 гг.

По неизвестным пока причинам Воротиловы отстранились затем от строительства Гостиного двора. Достаивать его пришлось уже Ивану Гове, уездному землемеру, исполнявшему в 1795—1796 гг. обязанности губернского архитектора³. И. Гове исправил прежде всего смету строительных работ, составленную С. А. Воротиловым⁴. Ему пришлось также перекладывать своды у некоторых лавок, отделывать торговые помещения (штукатурить стены, мостить камнем полы, навешивать железные двери и оконные ставни), благоустроить прилежащую к Гостиному двору территорию и «выпланировать «улицу» против башни Гостиного двора возле Спасской церкви»⁵. В 1796 году все работы по каменному Гостиному двору, содержавшему в то время 80 торговых лавок, были наконец-то завершены⁶.

Данные архивных документов позволяют установить более точно и время различного рода пристроек со двора корпуса, закладок арок галереи там же и т. д. Установлено, например, что уже в 20-х гг. XIX века торговые лавки в Гостином дворе были несколько перегруппированы за счет «приделок деревянных и каменных» к дворовой галерее корпуса, образовавших рукавичный и холщовый ряды⁷. В более позднее время, примерно с 60-х гг. XIX века, складские помещения лавок были увеличены путем закладки арок дворо-

¹ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 8, л. 116.

² В сентябре 1793 года «уже и башня работою кончена...» (Там же, л. 129). См. также докладную записку губернского архитектора Карла Калино, поданную в Костромскую шестигласную думу 15 июля 1793 г. и содержащую ложные опасения о непрочности арок «у делаемой башни» (там же, л. 119), и так называемый акт осмотра колокольни от 18 июля 1793 г., фиксирующий ее общую завершенность и прочность ее несущих конструкций (там же, лл. 120—120 об.).

³ Там же, л. 209.

⁴ Там же, лл. 210—212 об.

⁵ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 8, л. 204—205, 210.

⁶ Там же, л. 239; см. также: там же, л. 38, л. 4.

⁷ В 1828 году были зафиксированы «внутри гостиного двора приделки деревянные и каменные к задней галерее кожаной и сапожной линии, составляющие рукавичный ряд» (ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 683, л. 116). В том же 1828 году — «приделки деревянные по задней же галерее, составляющие холщевой ряд» (там же, л. 116 об.).

вой галереи, пристроек к лавкам со двора, надстроек «над существующими каменными кладовыми по образцу смежных с ним кладовых» и т. д.¹

Строительное отделение Костромского губернского правления, с разрешения которого производились все эти перестройки, шло буквально на поводу у костромских купцов, искажавших по своему произволу первоначальный облик Гостиного двора. Впрочем, следует считать удачной и весьма эффектной застройку территории Гостиного двора четырьмя корпусами так называемых Мелочных рядов, что было сделано в 1830—1832 гг. по проекту губернского архитектора П. И. Фурсова². Простота архитектуры этих рядов, выстроенных в стиле строгого классицизма, небольшие размеры корпусов, а главное — их расположение в «зеркальной симметрии» вдоль продольной и поперечной осей Гостиного двора — создали целостный ансамбль торговых зданий, своего рода, «ряды в рядах», эффектно воспринимавшихся на фоне еще не заложенных в то время арок дворовой галереи Гостиного двора.

Одновременно с Гостиным двором строились и так называемые Большие Мучные ряды (1791—1796 гг.), начатые также С. А. Воротиловым³. Они воспринимаются своеобразным «двойником» Гостиного двора, так как у них почти одинаковые с Красными рядами габариты, объемно-пространственная композиция и архитектурно-художественное оформление фасадов. Однако торговые лавки в Мучных рядах вдвое больше, чем в Гостином дворе: перекрытие галерей не сводчатое, а плоское; отсутствуют проходы для пешеходов на углах корпуса.

Гостиный двор и Мучные ряды в Костроме характеризуют стиль «позднего» С. А. Воротилова лишь отчасти. Декоративное убранство обоих сооружений восходит, наверное, к тому проекту Гостиного двора К. Клера (1787 г.), который С. А. Воротилов как подрядчик обязался выполнить в натуре. В ансамбле с простым убранством в стиле классицизма был решен и четырехколонный портик перед юго-западным проездом Гостиного двора.

И только в архитектуре колокольни перед проездом зодчий остался верен себе. В этом сооружении, теперь точно датированном (1792—1793 гг.), сохранена преемственность и от надвратных башен древнерусских хозяйственно-торговых гостиных дворов (не случайно зодчий называл свое детище «башней»), и от его же коло-

¹ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 1873, 1957—1970, 2035—2036; оп. 2, лл. 5275, 5311 — 5321, 5669 (сведения за 60—90-е гг. XIX века).

² ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 6355, лл. 1—26. Два корпуса кирпичных лавок в северо-западной части двора были построены в 1874—1875 гг. (ГАКО, ф. 207, оп. 2, д. 5272, лл. 1—7).

³ Там же, ф. 497, оп. 2, д. 8, лл. 117, 239.

колыни теплого Богоявленского собора, построенного в 1776—1791 гг. в костромском кремле. И хотя замечено, что «...колокольни в смысле обработки все время идут на шаг вперед собственно церковной архитектуры»¹, надвратная колокольня костромского Господного двора еще прочно связана с прошлым — со стилем барокко, ставшим в 90-х годах XVIII века анахронизмом даже в архитектуре русской провинции. В свете вышеизложенного нам не кажется верным суждение о том, что стиль последних работ С. А. Воротилова в Костроме был «раннеклассическим»². Представляется возможным считать, что в течение всей своей творческой деятельности С. А. Воротилов, оставаясь последовательным приверженцем стиля барокко, продлил его существование в Костромском крае вплоть до конца XVIII века.

М. Орехова

ЖИЛ НА РУСИ МАСТЕР

В наши дни далеко за пределами Костромского края известно творчество Емельяна Степановича Зиринова, мастера деревянного зодчества. Но до настоящего времени крайне мало сведений о его жизни и деятельности известно читателям. В предлагаемой статье сделана попытка на основе полученного в научных экспедициях и в различных источниках материала дать его жизнеописание.

Е. С. Зиринов родился в 1812 году в д. Яблоново Макарьевского уезда Костромской губернии. Отец Емели Степан Зиринов был хорошим плотником и резчиком. Вместе с родными братьями Евдокимом и Тимофеем он строил суда и баржи в Сокольском затоне на Волге, был руководителем артели Зириновых. Жили они одной большой семьей: у Степана два сына — Емельян да Иван, у Евдокима три — Алексей, Федор, Лазарь, у Тимофея — Василий и Андрей.

Правнук Евдокима Кузьма Михайлович Зиринов в свое время рассказывал: «Семья Зириновых была дружная. Все жили вместе, в одном доме, дом был большой. Только красных окон в теплой избе было два да несколько волоковых»³.

Когда подросли сыновья трех братьев, артель разрослась до десяти плотников. Когда не хватало работы в затоне, Зириновы ходили рубить дома крестьянам — сначала около Сокольского затона и

¹ Бакланов Н. Б. Эволюция архитектурных форм в русском провинциальном церковном зодчестве XVIII в.— Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры, т. II, № 19. Петроград, 1922, с. 250.

² Коротков Н. А. Указ. соч., с. 151; Вагнер Г. К. Указ. соч., с. 364—365.

³ Красным называлось окно с косяками, прорубалось в несколько бревен. Волоковое окно без косяков, прорубалось между двух смежных бревен, в полбревна от каждого из них.

в ближайших от него деревнях, потом — дальше. Много домов построили Зириновы в своей деревне Яблонево.

Братья тесали бревна, складывали сруб, настилали полы и потолки, вытесывали стены и крыли кровли. А Емельян Зиринов выполнял самые сложные работы: делал врубки углов, вставлял косяки, украшал резьбой обстановку избы и фасад дома. Зиринов очень берег цельность бревенчатой стены, он не зашивал ее досками, как не зашивал и торцы бревен на углах. Наличники окон он делал скромными и скупо украшал их резьбой.

Выполняя резьбу, мастер не любил пользоваться переводами с рисунков, как это делали другие резчики. Кузьма Михайлович вспоминал: «Емельян Степанович рисунок наносил прямо на доску от руки. Рука у него была точная, поэтому рисунок он прорубал прямо топором. Топором же скалывал ненужную древесину и «подчищал землю» (фон) ¹ — это намного ускоряло работу.

Емельян Степанович Зиринов уделял большое внимание тщательной отделке рисунка, особенно на фризовой доске, нижней доске карниза. На фризовых досках он создавал богатые и сложные композиции. В каждом отдельном случае мастер по-новому решал мотив волнистого побега, с неистощимой творческой фантазией переплетал его в причудливые узоры. Даже надписям и датам Емельян Зиринов придавал острую архитектурную выразительность. Разнообразно трактовал он образы фантастических животных, обогащал композицию доски введением розеток, рамок, плетенок, кистей, вводил и другие мотивы.

Особое внимание мастер уделял изображению львов и русалок. Из-под резца Емельяна Зиринова гривастые львы выходили то добродушно улыбающимися с высунутыми языками, то важно сидящими на страже. Но, как правило, они у него очень миролюбивы.

Русалок Емельян Степанович изображал тоже весьма своеобразно. Одних он вырезал с гладко расчесанными на прямой пробор волосами и с приятным выражением женского лица, других наделял мужскими чертами. В таких случаях он помещал их на противоположных концах фризовой доски: они как бы плыли друг к другу, держа в руках над головой символ воды — зигзаг с вырезанными на нем словами: «Я фараон», «Я жена фараона». На некоторых досках слово «фараона» вырезалось не полностью, а только первый слог «ФА».

Зиринов с большим тактом сочетал в своей резьбе орнаментальные мотивы древнерусского искусства с декором классических зданий, ярко проявляя свою творческую фантазию и высокое мастерство.

¹ Фон — гладкая часть доски, на которой возвышается резной рельеф.

В 1856 году семью Зириновых постигло большое несчастье — сгорел их большой дом. Зириновы разделились на три семьи. Емельян вместе с братом Иваном построил избу в три окна по фасаду; по планировке, конструктивно-архитектурным особенностям она не отличалась от обычных изб Верхнего Поволжья: изба, сени, светелка, чулан и скотный двор, расположенные на одной оси, поставлены на высокий подклет и покрыты на два ската под один конь.

Не нарушая сложившихся строительных традиций, Емельян Зиринов находит способы творческого обогащения и в планировке, и в изобразительных средствах украшения жилища. В этой избе необычны интерьер и особенно фронтон. Мастер проявил большую изобретательность: лавки сделал с волнообразным подзором и поставил их на красивые ножки; божницу для икон превратил в маленький иконостас с резным полусолнцем наверху, с точеными полуколонками по бокам и многолепестковыми розетками внизу; лестницу голбца устроил на резных кронштейнах, внешнюю сторону которых покрыл легкой контурной резьбой; кухню принарядил резным залавком (так называли кухонный стол) и посудным шкафом.

Большое внимание он уделил центральному объекту избы — перегородке: мастер интерьера, он умело построил ее из тонких филенок и полуколонок, соединенных арочками, вверху каждой арочки вырезал розетку в виде цветка ромашки, соединив их, как бантами, тонкими ветками растений. И резьба, и грани филенок создают неглубокую, но ощутимую игру света и тени.

На фронтоне избы резьба смотрится на расстоянии от трех до пяти метров, поэтому рисунок ее делается крупнее, срезы глубже и четче. В сочный орнамент фризовой доски мастер вкомпоновал дату — 1856 год, а среди классических узоров причелины разместил надпись: «СЕЙ ДОМ КРЕСТЬЯНИНА ЕМЕЛЬЯНА СТЕПАНОВА».

Это самая ранняя и скромная из дошедших до нас работа Зиринова.

Стихийное бедствие, постигшее семью, заставило, очевидно, артель Зириновых пойти на более выгодные заработки в низовья Унжи, где жили богатые лесопромышленники и крестьяне, занимавшиеся сплавом леса.

В 1857 году артель Зириновых построила двухэтажный дом лесопромышленнику Липатову в деревне Кобылино бывшего Макарьевского уезда Костромской губернии. Этот дом необычен для деревни не только по своему внешнему устройству, но и по планировке, габаритам и архитектурной отделке. По фасаду дом пятистенный с большими избами в первом и втором этажах. Оригинальное архитектурное решение Емельян Степанович применил и в оформлении слухового окна: он устроил тройной проем, обрамленный резными колонками; арку окна мастер украсил излюбленными розетками,

которые разместил в шахматном порядке в два ряда. Умело имитируя в дереве рустовку каменной классической архитектуры, он придал монументальность и неповторимость всей композиции окна. В центре фризовой доски Зиринов разместил надпись: СЕИ ДОМ М. К. ЛИПАТОВА. А на причелные вырезал свой автограф: СЕИ МАСТЕР ЕМЕЛЬЯН СТЕПАНОВ ЗИРИНОВ. Сегодня это строение также находится на территории Костромского музея.

Другой двухэтажный дом Зириновы построили в 1862 году в деревне Федотово лесопромышленнику А. М. Капустину. Этот дом не только двухэтажный, но и двухфасадный: один фасад — на Унжу, второй — парадный, в улицу деревни. В отличие от дома Липатова, на фасадах дома Капустина по одной большой избе в один сруб. Внутри изба с кухней разделены резной перегородкой.

Лебединую песню Емельян Степанович Зиринов спел на 61-м году жизни: в 1873 году он построил дом А. Г. Серова в деревне Мытищи. Беспокойный и смелый характер мастера, его пытливый ум, целеустремленность мысли ощущаются в архитектуре всего дома Серова — от планировки всей постройки до конструкций перегородки, от перегородки в избе до эффектного завершения резных украшений на фронтоне дома.

Здесь слуховое окно фронтона оформлено по-своему, по-зириновски. Мастер оставил почти без изменения центральную часть оконного проема и все внимание зрителя сосредоточил на фигурах прыгающих львов, стремящихся достать плоды с дерева.

Эта композиция отличается большой художественной выразительностью, динамичностью. И этот дом украшает собою архитектурный комплекс музея-заповедника.

Прожил Емельян Степанович восемьдесят лет, в последние годы жизни его хорошо знала Клавдия Климовна Липатова. Она рассказывала: «Это был высокий и сильный старик с одним глазом (другой выбило щепой), с большой седой бородой, мрачный и молчаливый, водку не пил. Брал подряды лично, но сам в последние годы жизни выполнял только резьбу».

Умер Емельян Степанович в 1892 году в своей родной деревне Яблоново, похоронен на сельском кладбище в полутора километрах от его деревни в селе Цыкшно у церкви (теперь это Ивановская область). До сих пор в деревне Яблоново стоит его дом, срубленный в 1856 г., но перенесенный на другой порядок улицы еще братом Иваном. Второй дом, в котором умер мастер, дошел до нас в переделанном виде. Народ очень любил резьбу Емельяна Степановича. Со старых домов ее переносили на новые, из одной деревни продавали в другую. Примером тому резьба на доме № 90 по Советской улице в г. Юрьевце Ивановской области. Лет шестьдесят тому назад, когда строился этот дом, резные доски к нему были

куплены гражданином Черкасским в одной из деревень на правом берегу реки Унжи.

Большое дарование мастера ярко проявилось в архитектуре и декоративном убранстве домов, построенных им в низовьях реки Унжи, в деревнях Мытищи, Кобылино, Федотово Макарьевского района Костромской области. Эти творения — лучший памятник одному из выдающихся мастеров Верхнего Поволжья.

Р. Попова

АНАЛИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ УЧЕНОГО КРАЕВЕДА П. И. БЕЛОЗЕРОВА

Петр Игнатьевич Белозеров ученый-биолог-краевед родился в 1900 году в деревне Крестово нынешнего Межевского района Костромской области. После окончания Казанского сельскохозяйственного института он учился в аспирантуре при Тимирязевской академии, где и защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Сорные растения Костромской области».

В Костромском педагогическом институте он работал с 1946 по 1968 год на кафедре ботаники в качестве доцента. Многие годы П. И. Белозеров изучал систематику растений, являлся автором целого ряда научных трудов. В 1977 году, после смерти П. И. Белозерова, фонды отдела природы музея-заповедника пополнились большой коллекцией гербарных образцов различных видов растений, в основном Костромской области. Все это передала в дар музею его жена. Почти 50 лет напряженного труда посвятил Петр Игнатьевич изучению систематики растений и сбору гербария.

Гербарий П. И. Белозерова содержит более 500 видов дикорастущих и культурных растений, а всего — более двух тысяч гербарных образцов. В составе гербария имеются также различные плауновые, папоротникообразные, хвощи, водоросли, лишайники, грибы.

Проведя научный анализ гербария, сотрудники отдела природы выделили и провели его классификацию по следующим семействам:

Розоцветные	— 48 видов	Вересковые	— 1 вид
Гречишные	— 15 »	Губоцветные	— 16 »
Льновые	— 5 »	Бурачниковые	— 6 »
Политрихные	— 5 »	Норичниковые	— 17 »
Жимолостные	— 4 »	Осоковые	— 10 »
Повиликовые	— 1 »	Зонтичные	— 10 »
Гераниевые	— 2 »	Папоротниковые	— 7 »
Ореховые	— 2 »	Плауновые	— 2 »
Лоховые	— 2 »	Тыквенные	— 2 »
Крушинные	— 1 »	Бобовые	— 3 »

Березовые	— 2 вида	Амерантовые	— 4 вида
Буковые	— 1 »	Молочайные	— 5 »
Брусничные	— 2 »	Многоножковые	— 2 »
Коноплевые	— 1 »	Мареновые	— 1 »
Резедовые	— 2 »	Крестоцветные	— 20 »
Рясковые	— 13 »	Касатиковые	— 2 »
Колокольчиковые	— 6 »	Кипрейные	— 1 »
Кипрейные	— 5 »	Ивовые	— 6 »
Кизилловые	— 1 »	Кленовые	— 4 »
Касатиковые	— 1 »	Маслиновые	— 4 »
Крапивные	— 1 »	Вязевые	— 2 »
Злаковые	— 14 »	Гвоздичные	— 11 »
Зверобойные	— 2 »	Фиалковые	— 3 »
Мариевые	— 14 »	Гортензиевые	— 1 »
Мальвовые	— 7 »	Дымянковые	— 1 »
Маковые	— 1 »	Липовые	— 3 »
Мауновые	— 1 »	Орхидейные	— 3 »
Лютниковые	— 15 »	Рутовые	— 2 »
Лилейные	— 4 »	Тутовые	— 2 »
Лобелиевые	— 2 »	Сосновые	— 2 »
Мотыльковые	— 29 »	Гранатовые	— 1 »
		Сложноцветные	— 53 »

В отдел природы переданы и 29 научных работ П. И. Белозерова, имеющих важное краеведческое значение. Среди них книга «Растительность Костромской области и ее использование». В ней автор приводит богатый фактический материал и статистические данные, обращает внимание на возможность использования больших запасов торфа, дает подробное описание видов лекарственных, дикорастущих, медоносных, ядовитых и других растений. Богато иллюстрированный материал по растительности нашей области может быть полезен преподавателям биологии и лекторам.

В другой публикации «О засоренности почв севера семенами сорных трав», изданной в 1938 году, приводятся сведения, имеющие практическое значение, так как засоренность почвы семенами сорных трав, корневищами и корневыми отпрысками, особенно в северных районах, изучена еще недостаточно. В этой работе даны рекомендации по уменьшению засоренности полей колхозов.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет труд «Об изменении в составе флоры и растительности Костромской области за последние 50 лет». За эти годы сильно пополнился видовой состав как дикорастущей, так и культурной флоры области. Так, если в 1920 году на территории края было отмечено 820 видов дикорастущих ианоротникообразных и семенных растений, то в 1965 году этот список насчитывал уже 902 вида. В 1920 году число видов

культурных растений в губернии не превышало 90, а в 1965 году их насчитывалось 259.

С 1949 года в области проводится значительная работа по акклиматизации лекарственных растений, завезенных из Китая и Тибета. — скололия тангутская и скололия гималайская, разводимые в учебно-опытном хозяйстве Костромского пединститута.

Много статей П. И. Белозерова было опубликовано в центральных журналах, например, в ботаническом журнале за 1973 год помещена его работа «О новых и подлежащих исключению видах растений флоры Костромской области». В ней, в частности, уточняется, что в парке санатория им. Трифоньча (Витово) произрастает и плодоносит не грецкий орех, а орех маньчжурский. Неоднократные попытки акклиматизировать грецкий орех в условиях Костромской области не увенчались успехом. В этой статье П. И. Белозеров указывал, что помимо систематической характеристики и флористического состава необходим и экологический анализ флоры, который дает возможность более глубоко понять взаимоотношение растений с окружающей их внешней средой, выявить жизненные формы растений и лучше познать биологические особенности отдельных видов растений, встречающихся на территории области.

Материал показывает, что творческое наследие П. И. Белозерова имеет важное научное и краеведческое значение.

IV. ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ

С. Гусева

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЬБЕ

В современной жизни культурным традициям принадлежит существенная роль. Являясь чрезвычайно гибким культурным феноменом, традиции выполняют сложную функцию связи настоящего с прошлым. Они живут, развиваются, изменяются, возникают вновь, накапливая человеческий опыт, сохраняя при этом определенные этнические элементы и выражая особенности культуры¹.

Территориальные особенности свадебного обряда связаны с различными условиями формирования и исторического развития населения. Вот почему поиски наиболее приемлемых для нашего времени элементов традиционной свадебной обрядности следует вести по пути изучения локальных вариантов свадебного обряда, учитывая устойчивость местных традиций в современном их бытовании среди населения. Тем более, что «...и сами сохранившиеся от прошлого традиции являются важнейшими функционирующими компонентами каждого жизнедействующего общества»².

Свадьба — это межа, за которой начинается совершенно новая жизнь двух молодых людей. Вполне понятно, почему большинство людей предпочитает устраивать свадебный пир: ведь именно это торжество является свадьбой как таковой. (Регистрацию брака никогда не называют «свадьбой».) Если регистрация является государственным санкционированием брака, то основная функция собственно свадьбы заключается в ее общественной санкции³.

¹ Чистов К. В. Традиции и вариативность. Советская этнография. 1983. № 2. с. 15; Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города. Советская этнография. 1982, № 6, с. 39.

² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1978. с. 68—69.

³ Известно, что брак без традиционно народного обряда вплоть до сер. XIX в. часто считался недействительным. См. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 218—219. Материалы экспедиций показывают, что в некоторых районах Костромской области даже в конце XIX—нач. XX вв. более важную роль играла именно свадьба, тогда как венчание или регистрация (или и то и другое) считались лишь государственной необходимостью. Так, на рубеже XIX—XX вв. в Вохомском районе Костромской области жених и невеста считались супругами только после свадебного пира, несмотря на совершение венчания или регистрации.

Значение свадьбы выражается не только этим моментом. Свадебные традиции выполняют воспитательную, объединительную, посвященческую, эстетическую функции¹. Свадьба сближает родных и близких со стороны жениха и невесты, делает всех присутствующих свидетелями создания новой семьи, закрепляет и поддерживает зарегистрированный официально брак. Историческое развитие свадебного обряда и трансформация его смысловых форм оставили неизменными основные функции свадьбы, содержание которых сохраняется прежним, но выражается новыми способами.

В старину все знали порядок свадебного обряда, и каждый действовал, следуя заведенному обычаю, но, благодаря вариативности обрядового стереотипа², каждая свадьба была по-своему единственной и неповторимой. В свадебное торжество народ вносил много выдумки, остроумия, юмора, т. е. элемент высокой творческой активности играл очень большую роль в том, чтобы индивидуализировать и разнообразить обычный строй свадьбы. Поэтому современный свадебный обряд можно, на наш взгляд, строить, базируясь на узловых моментах традиционной свадьбы (учитывая тенденцию упрощения и сокращения свадебного обряда), создавая локальный стереотип на основе местных традиций.

Костромская свадьба, сохраняя своеобразие местных обычаев и традиций, имеющих древние корни, в целом тяготеет к севернорусскому свадебному обряду. Особенности историко-культурных вариантов костромской свадьбы выступают довольно рельефно на фоне общей основной схемы традиционного свадебного обряда. Это говорит о возможности развития современной свадебной обрядности по пути создания местного варианта свадьбы на основе традиционного строя народного свадебного обряда.

В каждом варианте свадебного обряда Костромской области непременно присутствуют прощание девушек со своей подругой-невестой, одаривание гостей, величание молодых супругов и их гостей. Не забыт костромичами интересный послесвадебный обычай, называемый «вьюнишником».

Подобные элементы традиционного свадебного обряда частично сохранились и продолжают бытовать в различных формах среди населения некоторых районов Костромской области. По нашему мнению, они могут быть органично включены в современный свадебный обряд.

В старину подруги невесты перед венчанием прощались с нею, передавая ее на попечение жениха. В Вохомском районе Костромской области этот обряд был одним из самых поэтичных эпизодов

¹ О полифункциональности свадебного обряда. См. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977, с. 5.

² Чистов К. В. Указ соч.

во всем свадебном действии. Девушки водили хоровод и пели удивительно красивую песню «Вьюн на воде»¹. В конце песни они раскланивались с невестой и женихом, со всеми присутствующими, окончательно отделяя невесту от своего круга. Смысловая нагрузка этого момента четко определена — это переход невесты из девичьего коллектива в другую социальную группу, в общество семейных людей.

Думается, что этот элемент вполне может присутствовать в современном свадебном обряде. Ведь и сейчас в день свадьбы к невесте приходят ее самые близкие подруги, помогают ей одеться, проводят с ней время в ожидании жениха. Эпизод «прощания» подруг с невестой может стать кульминационным моментом во время пребывания гостей и подруг невесты в ее доме.

На той же основе в современную свадьбу может быть включен широко распространенный обряд вынесения «девушек красоты»², который может быть перенесен на время свадебного пира, как это и бывает в настоящее время.

Функцию объединения всех участников свадьбы может взять на себя обряд «прославления», величания жениха и невесты, их родителей, их близких родственников и друзей. Такой элемент можно заимствовать из любого свадебного действия, в продолжение которого величание проходит несколько раз. Подобный обряд в современной свадьбе могут проводить одна из подруг невесты и кто-либо из друзей жениха, которые при регистрации брака официально называются свидетелями. Соответственно выражая интересы сторон жениха и невесты, свидетели ведут диалог, приветствуя гостей и виновников торжества, обращаются к ним с какой-либо шутливой просьбой. Форма обращения может быть полностью заимствована из традиционных наговоров дружки и подруги невесты с добавлением в нее нового содержания. Чтобы усилить развлекательный элемент в этом действии, может быть предложено шутовское состязание в исполнении песен, танцев и т. п. между гостями, представляющими стороны жениха и невесты.

Заслуживает внимания обычай одаривания гостей, многочисленные и разнообразные варианты которого зафиксированы в описаниях свадебного действия. В наши дни часто можно встретить одаривание невестой свекра и свекрови; родственники жениха, в свою очередь, дарят невесту и ее родителей, таким образом, получается взаимный обмен подарками в честь свойства. Жених и невеста могли бы заранее приготовить небольшие сувениры на

¹ Запись ее хранится в фондах Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

² Гвоздикова Л. С., Шаповалова Т. Г. «Девья красота» (картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской и Костромской областей). В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

память о своем празднике для приглашенных родственников и друзей, чтобы вручить эти подарки за праздничным столом, сказать несколько приветственных слов. Этот момент должен познать и объединить всех гостей; ведь бывает так, что люди, приглашенные со стороны жениха и невесты, даже не знают друг друга. Частью обряда дарения может служить ритуал обнесения гостей чаркой вина. Подобный обряд и сейчас бытует в некоторых районах Костромской области. Каждый гость получает из рук жениха и невесты рюмку вина, которая подается с поклоном и принимается так же. При этом никто из присутствующих не забыт, ко всем проявлено внимание и уважение. В ответ гости преподносят молодым супругам свои подарки.

В Костромской области хорошо известен обычай, называемый «вьюнишником». Обычай этот довольно разнообразен в своих локальных вариантах, но суть его едина. «Вьюнишники» — старинный послесвадебный обряд поздравления молодых в первую весну после брака¹. Этим обрядом заканчивается цикл послесвадебных гостеваний и праздников, после чего молодая пара считалась полноправным членом общества взрослых семейных людей. Тот послесвадебный период, который заканчивался «вьюнишником», являлся своеобразным испытательным сроком для молодой семьи, когда на нее было направлено пристальное внимание общества.

Все это, видимо, имело целью на первых порах совместной жизни поддержать молодых супругов, помочь им привыкнуть к новой жизни, проконтролировать начало их самостоятельного пути в новых для них условиях. Причем этот контроль осуществлялся тактично, через целую систему обычаев гостеваний и праздников. Весь период времени от свадьбы до вьюнишника молодые находились в поле зрения общества, что заставляло их, подчиняясь заведенным обычаям, придерживаться определенного поведения. Обряд вьюнишества еще раз показывает, что общественное мнение играло очень большую роль и призвано сыграть не менее значительную роль в современных послесвадебных традициях.

Нам кажется, что в современной свадьбе следует обратить особое внимание на обычаи послесвадебного периода, основной функцией которых должен стать общественный контроль по отношению к молодой семье. Ответственность молодых людей перед обществом возрастет, если со стороны общественности (родственников, друзей) они почувствуют участие и внимание и после свадебного торжества. Традиционное приглашение гостей на так называемый «вьюнишник», основная цель которого «...укреплять за молодыми

¹ Тульцева Л. А. Вьюнишники. В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л., 1978, с. 122.

право на самостоятельность в хозяйственной жизни»¹, вполне может быть включено в послесвадебный период и в наше время.

Старинная народная свадьба, в которой было много интересных, значимых элементов, не потерявших актуальности и красоты и в наши дни, является неисчерпаемым источником для поисков ярких моментов для введения их в современный свадебный обряд. Развитие современной свадебной обрядности идет двумя путями: самодельное творчество и специальная разработка обряда². Практическое решение вопроса всегда связано с его теоретическим изучением, поэтому глубокое и всестороннее исследование и критическое осмысление должны привести к отбору подлинных культурных ценностей для их сохранения и развития³. Искусственное вмешательство в естественный путь развития свадебной обрядности вполне закономерно, потому что на современном этапе модернизации культуры преемственность этнических особенностей и культурного наследия обеспечивается единством процесса стихийного развития свадебного обряда и научно обоснованного его направления.

---

¹ *Гульцева Л. А.* Вьюншники. В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л., 1978, с. 136.

² *Крыведев Н. А.* Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении. Советская этнография. 1977, с. 38—39.

³ *Токарев С. А.* Обычай и обряды как объект этнографического исследования. Советская этнография. 1980, № 3, с. 34.

СОДЕРЖАНИЕ

I. КРАИ В ПЕРИОД ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

<i>В. Гусев.</i> Деятельность органов народного образования Костромской губернии в первые годы Советской власти	4
<i>С. Павлова.</i> Из истории деятельности клубов в губерниях Верхнего Поволжья в первые годы революции	8
<i>Е. Флейман.</i> К вопросу об участии Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) в исследовании природных ресурсов нашего края (1917—1929 гг.)	14
<i>И. Морозов.</i> Тема Великого Октября в костромской поэзии первых лет революции	19
<i>В. Соболев.</i> Отчеты о деятельности губисполкомов Верхнего Поволжья как источник по истории местных Советов (1922—1925 гг.)	21
<i>А. Евстратова.</i> Трудовой героизм комсомольцев и молодежи в годы первой пятилетки	27
<i>Б. Жижиков, И. Травина.</i> Шаги первых пятилеток	31
<i>Ю. Тимонин.</i> О роли Костромского университета марксизма-ленинизма в подготовке и воспитании идеологических кадров в послевоенные годы	37

II. КРАИ В ПЕРИОД ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ

<i>М. Шахова.</i> Положение помещичьих крестьян Костромской губернии в первой половине XIX в. и классовая борьба	43
<i>А. Шипилов.</i> Костромская губернская ученая архивная комиссия (1885—1917 гг.)	49
<i>А. Белов.</i> Деятельность костромских большевиков по воспитанию революционных кадров в процессе агитационно-массовой работы в 1905 г.	58

III. НАШИ СЛАВНЫЕ ЗЕМЛЯКИ

<i>Е. Кубряков.</i> Подлинный твор в Костроме. К творческой биографии костромского зодчего XVIII века С. А. Воронцова	62
<i>М. Орехова.</i> Жил на Руси мастер	67
<i>Р. Попова.</i> Анализ научного наследия ученого-краеведа Д. И. Белозерова	71

IV. ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ

<i>С. Гусева.</i> Традиционные элементы в современной свадьбе	74
---	----

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск IV

Редактор Б. В. Гусев
Художественный редактор Н. Н. Миролубов
Технический редактор Т. Н. Яковлева
Корректор Н. М. Секацкая

ИБ № 888

Сдано в набор 14. 03. 84. Подписано в печать 23. 01. 86. АК 00021. Формат 60,84/16.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. кр.-отт. 5,15.
Усл. п. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,34. Тираж 2000. Заказ 2164. Цена 20 коп. Заказное

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
150000, г. Ярославль, ул. Трехфолава, 12.

Областная типография им. М. Горького Костромского областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Кострома, ул. П. Щербина, 2.

20 коп.

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986